20 3/377

БИБЛІОТЕКИ

Оптиной Пустыни

ОТД. 5 № 1411.

ЭБ

20 3/377

15

ОБЪ АДѢ

и

О МУЧЕНІЯХЪ АДСКИХЪ.

РСФСР ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

Составилъ І. П.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Козельской Введенской Оптиной Пустыни.

МОСКВА.
Типогр. Общества распростр. полезн. книгъ. Моховая, д. Торлецкой.
1888

2006248568

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 22 сентября 1888 года.

Цензоръ Протоіерей *Сѵмеонъ Вишняковъ.*

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

886-078

Объ адѣ и о мученіяхъ адскихъ.

Какъ праведники, по смерти тѣла и частнаго суда надъ ними, восходятъ душами своими на небо и удостоиваются блаженства, такъ грѣшники отходятъ своими душами во адъ—мѣсто

Слово адъ Греческое ᾅδης собственно означаетъ мѣсто темное—мрачное; по-еврейски шеолъ. Это послѣ днее слово у св. писателей Ветхаго Завѣта означаетъ вообще состояніе душъ по смерти, или мѣсто, куда сходили души и грѣшныя, и святыя до пришествія Христова. Когда же Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ, да разрушитъ дѣла діавола, и сошедъ во адъ, проповѣда сущимъ въ темницѣ духовомъ (1 Петр. 3, 19), тогда извелъ изъ ада всѣхъ, ожидавшихъ Его пришествія и жившихъ вѣрою въ Него, какъ въ грядущаго Спасителя и Избавителя. Остались во адѣ одни только зараженные духомъ невѣрія, противленія истинѣ и ожесточенія во злѣ. По словамъ св. Писанія новозавѣтной церкви, адъ есть духовная темница, или состояніе духовъ, которые удалены отъ свѣта лица Божія (Мато. 7, 23) и заключены въ темницу духовъ (1 Петр. 3, 19), лишены участія въ царствѣ небесномъ, въ блаженствѣ праведниковъ и чувствуютъ угрызенія совѣсти за свои грѣхи. Слѣдовательно, нисходятъ во адъ одни только грѣшники, но

печали и скорби, хотя ни первые (праведники) не чувствуютъ еще совершеннаго блаженства, — ни послѣдніе (т. е. грѣшники) не терпятъ совершеннаго мученія, потому что совершенное блаженство и совершенное мученіе послѣдуетъ по соединеніи душъ съ своими тѣлами.

Но въ тоже время православная Церковь учитъ и исповѣдуетъ, что для тѣхъ грѣшниковъ, которые покаялись до разлученія съ земною жизнію, хотя и не успѣли загладить грѣховной своей жизни дѣлами благочестія и не успѣли принести плодовъ достойныхъ покаянія, есть еще надежда получить облегченіе въ страданіяхъ, и даже полное освобожденіе отъ узъ ада. Таковое освобожденіе могутъ получать грѣшники по молитвамъ Церкви и бла-

---

не праведники. Впрочемъ, должно помнить, что мученія грѣшниковъ во адѣ безъ сомнѣнія не одинаковы, а соразмѣрны преступленіямъ каждаго (Лук. 12, 47, 48). И соотвѣтственно этому должно думать, что адъ имѣетъ свои частныя обители, затворы и хранилища душъ (3 Эздр. 4, 32, 35, 41), свои особыя отдѣленія, изъ которыхъ одно называется собственно адомъ, другое—геенною, третье—тартаромъ, четвертое—озеромъ огненнымъ. Въ Апокалипсисѣ есть мѣсто, гдѣ адъ и озеро огненное между собою различаются—20, 13, 14.

Вообще, по ученію св. отцевъ и учителей церкви, хотя адъ есть мѣсто мрака, скорби и печали, но переходъ изъ ада въ рай возможенъ для нѣкоторыхъ душъ по молитвамъ Церкви, по благотвореніямъ, раздаваемымъ за усопшихъ, и особенно по безкровной жертвѣ, приносимой въ память почившихъ въ православной вѣрѣ.

готвореніямъ, совершаемымъ живыми за умершихъ, особенно же по силѣ безкровной жертвы, по безконечной благости Божіей и безпредѣльной любви къ роду человѣческому, и милосердію, но отнюдь не по собственнымъ ихъ заслугамъ, или чрезъ раскаяніе въ прежнихъ грѣхахъ: ибо послѣ смерти нѣтъ мѣста ни для покаянія, ни для заслугъ: *во адѣ кто исповѣстся?* (Псал. 6, 6). Но въ тотъ послѣдній день, въ который совершится послѣдній судъ Божій надъ всѣмъ міромъ, послѣдуетъ полное и рѣшительное распредѣленіе соотвѣтственно заслугамъ каждаго человѣка: праведники пойдутъ въ животъ вѣчный, а грѣшники въ муку вѣчную (Матѳ. 25, 41, 46).

Мученія, на которыя будутъ осуждены грѣшники праведнымъ судомъ Божіимъ, въ св. Писаніи изображаются въ самыхъ ужасныхъ выраженіяхъ. Они называются: адомъ, полнымъ пламени, отдѣленнымъ отъ блаженнаго жилища праведниковъ непроходимою пропастію (Лук. 16, 22—26), геенною огненною (Матѳ. 5, 29), озеромъ огненнымъ (Апок. 19, 20), тьмою кромѣшнею (Матѳ. 22, 13), червемъ неумирающимъ (Марк. 9, 44), темницею духовъ (1 Петр. 3, 18), бездною (Лук. 8, 31), преисподнею (Филип. 2, 11), пещію огненною (Матѳ. 13, 50), огнемъ вѣчнымъ и мукою вѣчною въ сообществѣ съ діаволомъ и его аггелами и въ рѣшительномъ удаленіи отъ Бога (Матѳ. 25, 41) и другими именами, которыя всѣ выражаютъ одну мысль, что мѣсто для душъ, отшедшихъ отсюда во грѣхахъ,

есть мѣсто осужденія, наказанія, мученія и гнѣва Божія (Правосл. Исповѣд., ч. 1, на вопросъ 68).

Сколько участь грѣшниковъ изображается въ словѣ Божіемъ послѣ всеобщаго суда мрачными чертами, столько же напротивъ участь праведниковъ изображается свѣтлыми и радостными.

Блаженное жилище праведниковъ называется въ св. Писаніи царствомъ, уготованнымъ отъ сложенія міра (Матѳ. 25, 34), лономъ Авраамовымъ (Лук. 16, 22), царствомъ небеснымъ (Матѳ. 5, 3, 10), раемъ (Лук. 23, 43; 2 Кор. 12, 4), царствомъ Отца (Матѳ. 13, 43), царствомъ Господа Іисуса Христа (2 Петр. 1, 11), домомъ Отца небеснаго, градомъ Бога живаго и Іерусалимомъ небеснымъ (Евр. 12, 22). Всѣ сіи мѣста, приведенныя изъ св. Писанія показываютъ, что блаженное состояніе праведниковъ въ будущей жизни будетъ таково, что мы нынѣ ни представить, ни изобразить, ни выразить его не можемъ: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша.* Вотъ какія блага уготовалъ Богъ любящимъ Его (1 Кор. 2, 9)!

Итакъ намъ предлежатъ два пути: путь жизни и путь смерти,—путь къ блаженной жизни чрезъ покаяніе, или путь къ вѣчной погибели во адѣ за нашу нераскаянность и ожесточеніе во грѣхѣ. Въ нашей волѣ избрать то или другое—рай, или адъ. Правосудіе Божіе требуетъ, чтобы наши грѣхи были наказаны въ сей жизни и прощены намъ чрезъ наше покаяніе, или чрезъ Божіе отмщеніе за нашу нераскаянность подвергнуты были вѣчнымъ

мученіямъ въ будущей жизни; чтобы или добровольныя и временныя скорби очистили насъ отъ грѣховъ, или вѣчныя и невольныя мученія наказали насъ. Божіе милосердіе и благость готовы простить намъ всѣ грѣхи, если только мы въ нихъ искренно раскаемся, а нераскаянность наша во грѣхахъ непремѣнно приведетъ насъ во адъ и содѣлаетъ жертвою вѣчныхъ мученій.

Для насъ непріятна сія истина; мы не любимъ, когда ее намъ предлагаютъ, потому что страшимся послѣдствій. Мы любимъ слушать, или читать о раѣ, о небесныхъ обителяхъ, о вѣчныхъ благахъ горняго Іерусалима, но не любимъ слушать объ адѣ, о его ужасныхъ мученіяхъ. Мы всячески стараемся эту мысль отстранить отъ ума своего, дабы она не пробуждала въ насъ дремлющей совѣсти и не возмущала нашихъ преступныхъ радостей. Мысль объ адѣ и мученіяхъ во адѣ болѣе устрашаетъ насъ, нежели самый адъ. Но чѣмъ непріятнѣе эта мысль, тѣмъ она спасительнѣе,—и тѣмъ съ большимъ усердіемъ должны напечатлѣвать сію горькую для насъ истину въ сердцѣ своемъ. Но если мы беззаконными дѣлами потемнимъ образъ Божій, если презримъ безпредѣльную цѣну нашего искупленія, не употребимъ во благо всѣ дары благодати, излитые на насъ недостойныхъ, то Ты, Господи,—Творецъ, Благодѣтель и Искупитель нашъ содѣлаешься для насъ вѣчнымъ Карателемъ. Когда влагаешь въ нашу душу эту страшную угрозу,—Ты еще дѣлаешь по внушенію благости Своей. По

Своему милосердію, Ты угрожаешь намъ за грѣхи вѣчными мученіями, устрашаешь насъ безмѣрными страданіями во адѣ для того, чтобы не наказать насъ по Своему правосудію. Ты открываешь предъ нами бездну погибельную, дабы мы избѣгали ея. Всемогущій Господь, содержащій въ десницѣ Своей ключи ада и смерти, съ тѣмъ намѣреніемъ и отверзаетъ намъ сіи страшныя врата, чтобы мы—несчастные, стремящіеся къ нимъ, по слѣпотѣ своего плотскаго ума и воли, узрѣли всѣ ужасы, которые насъ ожидаютъ во адѣ, а узрѣвъ оные, уклонились бы отъ путей стропотныхъ и развращенныхъ.

Во всѣхъ религіяхъ человѣческаго рода ученіе о Богѣ, о раѣ и адѣ признаваемо было за несомнѣнную истину и служило основнымъ началомъ всякаго порядка,—хотя это ученіе и понятіе у нѣкоторыхъ народовъ изображалось въ видахъ чувственныхъ, извращенныхъ и обезображенныхъ страстями человѣческими. Не было народа, который бы совсѣмъ отвергалъ божество; не было также народа, который бы не признавалъ рая и ада въ будущей жизни—награды за добрыя дѣла и наказанія за худыя, хотя и то и другое облекалось у нихъ въ формы грубыя и невѣжественныя, соотвѣтственно ихъ грубымъ понятіямъ.

Ученіе о Богѣ, раѣ и адѣ не было доказываемо у народовъ, потому что принималось у нихъ, какъ неопровержимая истина. Если въ теченіе вѣковъ встрѣчалось нѣсколько людей, злоупотреблявшихъ

именемъ философовъ, если и въ настоящее время выдвигаются нѣкоторые умники, величающіеся передовыми въ образованіи себя и другихъ, и дерзающіе нападать на истину, столь всеобщую, то эти передовые были или презираемы, какъ безумные, или опровергаемы, какъ нечестивые и безбожники. Всѣ усилія таковыхъ людей сокрушаются и падаютъ сами собою при общемъ согласіи всѣхъ странъ и временъ и всеобщемъ вѣрованіи въ бытіе Бога, рая и ада. Укажите причину сего единодушнаго убѣжденія. Кто изъ людей осмѣлился предложить себѣ такое ученіе, которое противно нашимъ наклонностямъ и несогласно съ нашими страстями? Кто могъ убѣдить въ семъ почти цѣлое человѣчество? Ужели родъ человѣческій былъ настолько простъ и глупъ, настолько недоброжелателенъ къ самому себѣ, что покорился вѣрованію въ ужасныя муки по смерти безъ очевидныхъ доказательствъ? О раѣ, какъ о предметѣ весьма пріятномъ для всѣхъ и вожделѣнномъ, мы болѣе говорить не будемъ, а продолжимъ нашу бесѣду объ адѣ, какъ о предметѣ для каждаго непріятномъ и ужасномъ.

Какая же причина—вѣрить въ то, что совершенно въ *дисгармоніи* съ нашими желаніями и стремленіями? Другой причины и другихъ доказательствъ сему всемірному согласію о существованіи ада и вѣчныхъ мученій нѣтъ, кромѣ слѣдующихъ: первоначальнаго откровенія, даннаго самимъ Богомъ и сохранившагося по преданію,—и про-

стаго умозаключенія, на которое естественно соглашается здравый разумъ и охотно принимаетъ то, что представляютъ ему другіе, именно: если есть Богъ, то есть и адъ; Онъ есть правосудный; потому-то преступники Его закона должны понести наказаніе или въ настоящей жизни, или непремѣнно въ будущей.

Если существованіе ада и вѣчныхъ мученій въ немъ такъ неопровержимо, то почему нѣкоторые отвергаютъ его? Какимъ образомъ истина (объ адѣ), столь глубоко вкорененная въ сердцѣ человѣческомъ, подтвержденная столь ясными доказательствами,—могла встрѣтить противодѣйствіе? Какъ могло возвыситься нѣсколько голосовъ для отрицанія сей истины вопреки гласу природы, которая громогласно проповѣдуетъ о другой — загробной жизни? Сей вопросъ разрѣшится самъ собою, когда узнаемъ, какіе безумцы противопоставляютъ свой слабый умъ разумѣнію всего рода человѣческаго. Тѣ только отрицаютъ бытіе ада, которые страшатся его существованія и находятъ для себя отраду въ его небытіи. Такіе люди не вѣрятъ потому, что не хотятъ изъ боязни вѣрить ученію, открывающему собственную ихъ жестокую участь, которой они неминуемо должны подвергнуться за свои грѣхи. Мысль о будущей жизни, столь спасительная для другихъ, повергаетъ (невѣрующихъ) въ трепетъ и ужасъ. Чтобы дать полную свободу и разнузданность своимъ порочнымъ склонностямъ, эти развращенные, или, по словамъ св. Писанія,

часть порочна, въ похотехъ своихъ ходяще нечестіемъ и законопреступленіемъ и уста коихъ глаголютъ прегордая (Іуд. 1, 16),—стараются подавить въ себѣ мысль объ адѣ и въ уничтоженіи ея ищутъ утѣшенія отъ ужасовъ его. Новѣйшіе атеисты въ подтвержденіе своихъ умствованій приводятъ тѣже основанія, на какихъ опирались лжемыслители во времена еще Соломоновы,—именно, что никто не видалъ никого, возвратившагося изъ ада (Прем. 2, 1). Но Іисусъ Христосъ далъ уже на сіе такой отвѣтъ: если не вѣрятъ словамъ Моисея и пророковъ объ адѣ, то самый мертвецъ, выпедшій изъ ада, не убѣдитъ невѣрующихъ въ бытіи ада (Лук. 16, 31). Для убѣжденія истинно-вѣрующихъ въ христіанскіе догматы воскресеніе мертваго не нужно, а для невѣрующихъ оно безполезно. Вѣра и невѣріе ничего не прибавляютъ и не отнимаютъ отъ страшной дѣйствительности адскихъ мукъ. Невѣрующіе, отказываясь вѣрить въ оныя, нѣкогда принуждены будутъ вѣрить существованію ада,—будутъ сожалѣть и раскаяваться въ своемъ упорствѣ, но это раскаяніе не принесетъ имъ никакой пользы, какъ и оному евангельскому богачу, находящемуся въ адѣ.

Ученіе объ адскихъ мукахъ изображается въ словѣ Божіемъ, какъ ученіе самое вѣрное и положительное. Справедливо, слово Божіе не сообщаетъ намъ полнаго и яснаго понятія объ адѣ и адскихъ мученіяхъ, ожидающихъ грѣшника за гробомъ. Промыслу Божію не угодно было раскрыть

предъ нами вполнѣ всего ихъ ужаса, дабы совершенно не поразить насъ страхомъ оныхъ, а сообщило намъ объ адскихъ мученіяхъ столько, сколько необходимо и полезно знать. *Кто вѣсть державу гнѣва Твоего? и отъ страха твоего ярость твою исчести*, восклицаетъ пророкъ Давидъ (Псал. 89, 11). И мы не должны удивляться, что милосердіе Божіе и правосудіе равно для насъ дивны и непостижимы.

Мнѣ принадлежитъ отмщеніе, говоритъ Господь: буду Я судить и наказывать,—уже одно лице такого Судіи даетъ понятіе о томъ, сколь страшно впасть въ руки Его (Евр. 10, 31). Если наказанія, опредѣляемыя человѣческою властію и исполняемыя при насъ, приводятъ насъ въ трепетъ, то какой ужасъ поразитъ нашу душу при взглядѣ на тѣхъ, надъ коими отяготѣетъ карающая десница раздраженнаго Бога (Наум. 1, 2)? Онъ награждаетъ, какъ Богъ; Онъ будетъ и наказывать какъ Богъ, и отмщеніе Его не менѣе откроется во адѣ, какъ и милосердіе въ раю (Сир. 16, 15). Чѣмъ менѣе мы можемъ обнять своимъ воображеніемъ все то, что заключаютъ въ себѣ угрозы Господни, тѣмъ болѣе они имѣютъ быть для насъ ужасны. Часто повторяетъ Спаситель:—адъ есть мѣсто плача и скрежета зубовъ (Матѳ. 8, 11).

Среди самыхъ наказаній, опредѣленныхъ грѣшникамъ, св. Писаніе открываетъ намъ, что они будутъ не для всѣхъ одинаковы. Наказанія будутъ различны, потому что степени и мѣра преступленій

различны. Правосудіе Божіе требуетъ достойнаго наказанія за каждое беззаконіе, но какъ есть степени и во грѣхахъ, такъ есть степени и въ наказаніяхъ. Богъ соразмѣряетъ ихъ съ количествомъ, родомъ и тяжестію преступленій. Усугубьте сей виновной душѣ, вѣщаетъ небесный гласъ, усугубьте ей сугубо по дѣламъ ея: *елико прославися и насладися, толико дадите ей мукъ и рыданій* (Апок. 18, 6, 7). Другою мѣрою наказаній Божіихъ будетъ злоупотребленіе дарами Божественной благодати: *ему же дано будетъ много*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *много взыщется отъ него. Рабъ вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по волѣ его, біенъ будетъ много; невѣдѣвый же, сотворивъ же достойная ранамъ, біенъ будетъ мало* (Лук. 12, 47, 48). *Отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморстѣй въ день судный, нежели граду тому*, въ которомъ не были приняты Апостолы, возвѣщавшіе царствіе Божіе (Мато. 10, 15); отраднѣе будетъ Тиру и Сидопу, нежели Хоразину и Виѳсаидѣ (Мато. 11, 21, 22). Вообще, св. Апостолъ Павелъ училъ, что праведный Судія на всеобщемъ судѣ *воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Рим. 2, 6).

Рожденіе и возрожденіе въ нѣдрахъ православной Церкви и просвѣщеніе свыше—вѣрою составляютъ для насъ въ настоящей жизни величайшее счастіе, но въ жизни будущей эти же духовные дары послужатъ къ усугубленію нашего блаженства или бѣдствія. Всѣ дары благодати, полученные нами въ крещеніи, послѣдуютъ за нами въ вѣчность

и будутъ или умножать тамъ наше блаженство, если мы добрыми дѣлами оправдывали нашу вѣру,— или будутъ усугублять наше бѣдствіе и страданіе во адѣ, если мы, нося имя христіанина, нисколько не соотвѣтствовали ему благою жизнію,—а обезобразили и очернили оное студными дѣлами.

Ужасное состояніе отверженнаго грѣшника,— достойное слезъ и горькаго рыданія, когда онъ, среди полной чаши мірскихъ удовольствій, неожиданно восхищается въ руцѣ Бога живаго,—въ область Божія отмщенія. Судимый и осужденный, онъ чувствуетъ себя поверженнымъ въ пучину всѣхъ золъ и скорбей. Предъ его глазами уже затворились врата Божія милосердія, чтобы болѣе не отверзаться во вѣки. Ясно представляетъ онъ весь ужасъ страшной своей участи. Грѣшникъ нераскаянный уже началъ испытывать тѣ мученія, которыя долженъ терпѣть цѣлую вѣчность. Ужасная и невыразимо скорбная участь отверженнаго грѣшника— вѣчный пламень, возженный небеснымъ правосудіемъ, объемлетъ его, и грѣшникъ вѣчно горитъ въ пламени семъ и не сгораетъ. Жертва вѣчно пожирается огнемъ и вѣчно возраждается изъ пепла своего для непрестаннаго горѣнія. Слезы льются изъ очей несчастнаго и не угашаютъ пламени; воздыханія оглашаютъ вертепы мрака и никто не внемлетъ воздыханіямъ и болѣзнямъ. Онъ тщетно ожидаетъ конца своихъ мученій, ибо вѣчность есть мѣра его мученій. Вѣчныя раскаянія будутъ терзать его, какъ червь неусыпающій, но раскаянія

во адѣ тщетны и безплодны. Вѣчныя грызенія совѣсти какъ змѣи будутъ уязвлять память его, но обращеніе и исправленіе уже тамъ невозможно. *Во адѣ кто исповѣстся Господеви*, говоритъ пророкъ Давидъ (Псал. 6, 6)?

Но что такое вѣчность? Это неизмѣримое море, предѣловъ котораго не объемлетъ око смертнаго:— это бездна, которую не можетъ проникнуть взоръ ограниченный. Вѣчность есть начало безъ конца, пространство безъ предѣловъ, время безъ времени, жизнь безъ смерти. Тамъ тысяча лѣтъ—день единъ и день единъ—тысяча лѣтъ. Тамъ едино мгновеніе есть вѣчность и вѣчность—едино мгновеніе. Тамъ протекутъ вѣки, а вѣчность тожде будетъ и лѣта ея не оскудѣютъ. О, вѣчность ужасная для сыновъ отверженныхъ, въ которую внидутъ они, чтобы испить до послѣдней капли чашу гнѣва небеснаго! Такъ беззаконный вступаетъ во врата вѣчности, какъ повинный, опредѣленный на казнь, какъ жертва, ведомая на заколеніе, какъ врагъ Божій, готовый предстать предъ лицемъ Судіи раздраженнаго, какъ рабъ, влекомый къ отчету Господа своего, и немогущій воздати ни единого словесе о приставленіи домовнемъ.

Когда преступная душа услышитъ грозное опредѣленіе небеснаго Судіи: отыди отъ мене, тогда уже не будетъ болѣе общенія между Богомъ и ею. А таковое удаленіе, или отчужденіе, даже одно. Св. Златоустъ почитаетъ острѣйшимъ всякой геенской муки. Безконечное разстояніе отдѣлитъ ихъ

на вѣки. Неправды и беззаконія изрыли непроходимую пропасть для законопреступной души, разлучивъ ее съ Богомъ навсегда. Сотворенная для вѣчнаго блаженнаго соединенія съ Богомъ и лицезрѣнія Его, — эта душа грѣшная если и будетъ вѣдать о Немъ, то для того только, чтобы болѣе испытывать мученій. Въ теченіе сей временной жизни Богъ искалъ душу, привлекалъ ее къ себѣ различными способами: и обѣщаніями небесныхъ благъ, и угрозами, и наказаніями во адѣ за упорство ея, а преступная душа убѣгала Его, не повиновалась ему. не исполняла Его заповѣдей, нисколько не думая ни о Богѣ и вѣчности. ни о тѣхъ наказаніяхъ, которыя въ будущей жизни содѣлаются непремѣннымъ удѣломъ ея за нераскаянность и ожесточеніе ея во злѣ, а потому и въ жизни вѣчной отвержена будетъ навсегда Господомъ Богомъ. Удаленіе отъ лица Божія за беззаконія содѣлается вѣчнымъ наказаніемъ для несчастной души. Удаленіе произвольное и упорное будетъ наказано удаленіемъ невольнымъ и невозвратнымъ. Таковая душа, не ощущая въ себѣ нынѣ ни любви, ни стремленія къ Богу, не постигаетъ даже своего несчастія—быть отъ Него отверженнымъ. Поработивъ себя чувствамъ и погрязши въ однихъ плотскихъ удовольствіяхъ, грѣшная душа содѣлала свое сердце недоступнымъ желанію духовнаго счастія и умъ—неспособнымъ понимать оное. Она полагаетъ все свое счастіе въ однихъ приходящихъ земныхъ благахъ, лишеніе коихъ приводитъ ее въ трепетъ

и ужасъ. — Люди, даже благочестивые, не могутъ вполнѣ понять, какое несчастіе заключается въ удаленіи отъ Бога. Съ одной стороны душа человѣческая, отягченная тѣломъ—симъ бременемъ, не въ силахъ возвыситься до яснаго разумѣнія какъ счастія, заключающагося въ единеніи съ Богомъ, такъ и несчастія, состоящаго въ удаленіи отъ Бога. Съ другой стороны, какъ вполнѣ постигнуть то мученіе, которое измѣряется только безконечностію Божіею? Несчастіе въ отчужденіи отъ Бога столь же велико, сколь велико счастіе, состоящее въ обладаніи Имъ; и то и другое опредѣляется и соразмѣряется величіемъ самого Бога. Но когда душа разрѣшится отъ узъ, связывавшихъ ее, выдетъ изъ темницы тѣла и вступитъ въ область вѣчности,— тогда земные предметы, развлекавшіе и омрачавшіе ее, уже не будутъ производить на нее своего пагубнаго дѣйствія: всѣ блага земныя мгновенно исчезнутъ предъ ея очами, останется только одно благо и благо истинное, вѣчно пребывающее въ Богѣ.

Душа, отдѣлившись отъ бренной храмины тѣла, увидитъ то блаженство, коимъ Богъ благоволилъ наградить своихъ избранныхъ, и это отдаленное зрѣлище того, что она могла бы пріобрѣсть и чего она лишилась произвольнымъ уклоненіемъ въ пути развращенные,—составитъ для нея одно изъ страшныхъ мученій. Чрезъ безпредѣльную бездну жестокосердый богачъ видитъ Лазаря, презрѣннаго имъ на землѣ, Лазаря на лонѣ Авраамовомъ, на-

слаждающагося тѣмъ блаженствомъ, которое опредѣлено было и ему самому (Лук. 16, 23). Премудрый изъ царей представляетъ намъ, что грѣшники сначала изумляются и недоумѣваютъ, видя тѣхъ, кои были для нихъ нѣкогда посмѣшищемъ, теперь наслаждающимися неизреченнымъ блаженствомъ вмѣстѣ со святыми предъ лицемъ самого Бога, и потомъ обращаются къ самимъ себѣ, и въ скорбяхъ безплоднаго раскаянія, въ мукахъ безотраднаго угрызенія совѣсти, оплакиваютъ пути неправды и погибели, по коимъ они шли въ земной жизни, и стенаютъ подъ тяжестію мученій, сознавая, что ихъ губятъ дѣйствія собственной ихъ злобы и нераскаянности (Прем. 5, 3). Такъ правосудіе Божіе обращаетъ въ наказаніе симъ людямъ самое ихъ познаніе и видѣніе высшаго блаженства. Желаніе счастія для отверженной души послѣдуетъ за нею въ другую жизнь и будетъ тамъ несравненно сильнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ здѣсь, потому что здѣсь оно дробилось между многими предметами, а тамъ, въ загробной жизни, сего уже не будетъ. На землѣ это желаніе было еще утѣшеніемъ для души, потому что воодушевлялось надеждою, но въ другой жизни оно сдѣлается истиннымъ для души мученіемъ, потому что соединится съ отчаяніемъ. Носить въ сердцѣ самое пламенное желаніе и вмѣстѣ быть совершенно увѣреннымъ въ его несбыточности,—стремиться безпрерывно къ тому, чѣмъ никогда невозможно обладать, искать ежеминутно того, чего никогда нельзя найти—какое ужасное

состояніе! Несчастный грѣшникъ уже несчастенъ тѣмъ, что отлученъ отъ Бога,—дѣлается еще несчастнѣе, что живо чувствуетъ вѣчное свое отлученіе. Онъ сознаетъ, что Богъ есть высшее благо, и сіе благо должно было принадлежать ему, но что оно теперь для него не существуетъ, его болѣе для него нѣтъ и никогда не будетъ. О, какое невыразимо мучительное положеніе такого человѣка!

Что значатъ всѣ ужасы смерти, коими объемлется душа человѣка не только грѣшнаго, но и почти всякаго? вопрошаетъ одинъ изъ ученѣйшихъ іерарховъ Русской Церкви*). „Не конецъ жизни самъ по себѣ страшенъ: ибо человѣкъ могъ бы привыкнуть къ мысли о такомъ неизбѣжномъ концѣ изъ часто повторяющихся примѣровъ смерти предъ его очами. Но то, что есть здѣсь наиболѣе таинственнаго, что совершается во внутреннемъ состояніи человѣка, — вотъ что производитъ всѣ ужасы смерти. Что же это такое? Это именно самый переходъ человѣка, или, точнѣе сказать, перерожденіе его изъ жизни тѣлесной въ жизнь чисто-духовную, изъ временной въ вѣчную.

„Вотъ наступаетъ послѣдній часъ человѣка въ этомъ мірѣ. Болѣзнь, приблизившая его къ смерти, уже прекратилась: она подорвала основы тѣлеснаго организма и сдѣлала его неспособнымъ къ дальнѣйшей дѣятельности—въ настоящемъ его видѣ, и тѣло уже не служитъ духу. Тогда жизнь души на-

*) Іоаннъ, Епископъ Смоленскій, въ бесѣдѣ на день успенія Богоматери.

чинаетъ отторгаться отъ частей и органовъ тѣла, въ которыхъ доселѣ дѣйствовала. Судорожныя движенія и необычайныя сотрясенія всего организма показываютъ какъ усильно и какъ жестоко это отрѣшеніе души отъ тѣла; и чѣмъ сильнѣе была привязанность духа къ тѣлу, тѣмъ сильнѣе эти сотрясенія: потому что тѣмъ болѣе силы нужно духу, чтобы оторваться отъ тѣла. Какъ страшно уже это одно зрѣлище! Но всмотритесь ближе, вы увидите, что тутъ не одни физическія страданія. Трепещетъ душа, чувствуя свое невольное, быстрое приближеніе къ вѣчности, — въ трепетѣ она силится какъ будто остановиться на этомъ страшномъ пути; она порывается какъ бы уклониться отъ тѣхъ ужасовъ, какіе ее ожидаютъ, или овладѣть собою и самыми этими ужасами, чтобы спокойнѣе и смѣлѣе пройти. Но эти порывы, подавляемые болѣе и болѣе приближающеюся смертію, производятъ только то невыразимое возбужденіе и раздраженіе всѣхъ силъ и чувствъ души, которыя кладутъ еще болѣе страшную печать на лице и на все состояніе умирающаго грѣшника. Да, въ часъ смерти овладѣть собою и самымъ путемъ смертнымъ и всѣми его ужасами—какая эта неизобразимая и неразрѣшимая задача!

„Есть однако же кончина безъ ужасовъ предсмертной борьбы,—душа отходитъ мирно, конечно, не безъ смущенія и тѣлесныхъ страданій. Это душа чистая, добрая, кроткая. Ясность, самосознаніе, чистота и тихость чувствъ, глубокая вѣра, покор-

ность и преданность Богу, отличавшія ее при жизни, не оставляютъ ее и въ часъ смерти,—она владѣетъ собою: внутренняя свѣтлость ея разсѣеваетъ предъ нею мракъ и страхъ смертнаго пути, и, всецѣло вручая себя Богу, она съ тихою покорностію отдается послѣднимъ волнамъ житейскаго моря, прибивавшимъ ее къ берегамъ вѣчности. А душа грѣшная, злая? Вы видѣли, какъ она отходитъ изъ здѣшняго міра? Видѣли-ли тѣ невыразимые ужасы, какими сопровождается ея отшествіе въ вѣчность? Она не знала въ жизни, не имѣетъ и въ часъ смерти ни самосознанія, ни самообладанія, ни покорности волѣ Божіей. Всѣ чувства ея волнуются, но эти чувства злы и раздраженіе ихъ въ послѣднія минуты доходитъ до крайней степени. Ея зло, освобождаясь вмѣстѣ съ нею отъ послѣднихъ узъ, которыми еще сдерживалось сколько нибудь въ здѣшней жизни, со всею силою поднимается, и въ виду ужасовъ смерти — ожесточается до отчаянія. Душа хочетъ бороться съ этими ужасами,—она какъ будто бы вызываетъ на бой самую смерть и силою собственнаго зла хочетъ одолѣть ее; она усиливается овладѣть отлетающею жизнію; но въ тоже время, чувствуя подъ собою разверзающуюся бездонную пропасть вѣчнаго зла, неодолимо увлекается въ нее силою сродныхъ стремленій своей злой природы. Въ борьбѣ съ жизнію и смертію, душа борется еще сама съ собою: она терзаетъ сама себя. Можно-ли, и какими словами, выразить весь ужасъ этихъ минутъ?

„Какъ бы то ни было, смерть не отступаетъ, жизнь не возвращается, и человѣкъ умираетъ; но еще въ то время, какъ въ низшихъ степеняхъ и силахъ душевной жизни,—въ тѣхъ, которыми душа непосредственно привязана къ тѣлу, происходитъ эта ужасная предсмертная борьба, — во внутреннѣйшей жизни духа, въ высшей сферѣ его духовнаго бытія совершается другое. Тамъ слабѣе узы тѣла, поэтому духъ человѣка скорѣе и легче отрѣшается отъ условій временной жизни; и тогда какъ внизу его долго еще длится борьба, онъ (духъ) у себя вверху самъ собою освобождается. Но человѣку начинаетъ уже открываться и вѣчность, онъ уже подходитъ къ рубежу ея. Онъ еще видитъ, хотя тускло и нераздѣльно, земные предметы; еще слышитъ, хотя и неразборчиво, здѣшніе звуки, еще ощущаетъ въ себѣ, хотя и смѣшанно, земныя чувства, но уже сказывается ему и другая жизнь. Онъ замѣчаетъ предметы и явленія, невидимые для другихъ, слышитъ необыкновенные звуки, прозрѣваетъ то, что намъ не можетъ быть извѣстно естественнымъ порядкомъ. Еще нѣсколько минутъ—и человѣкъ переступаетъ въ вѣчность. Какъ вдругъ измѣняется форма его бытія: духъ его видитъ самого себя, свое собственное существо, какъ не видалъ его въ тѣлѣ; онъ видитъ предметы и самые отдаленные уже не тѣми глазами, а непосредственнымъ разумомъ, и то, что прежде онъ могъ постигать разумомъ, теперь онъ видитъ какъ бы глазами; онъ говоритъ не членораздѣльными звуками слова, а

мыслію, и то, что прежде онъ могъ представлять себѣ только въ мысляхъ, теперь уже выражаетъ какъ бы словомъ; не руками осязаетъ предметы, а ощущеніями и чувствами, и предметы самые тонкіе, и прежде для него неуловимые и неосязаемые, онъ теперь обнимаетъ въ ощущеніяхъ, какъ бы въ рукахъ; движется не ногами, а одною силою воли, и то, къ чему прежде онъ могъ приближаться съ великимъ трудомъ, медленно, чрезъ большія пространства мѣста и времени, — теперь онъ настигаетъ мгновенно; никакія вещественныя препятствія его уже не задерживаютъ. Теперь и прошедшее ему видно, какъ настоящее, и будущее не такъ сокрыто, какъ прежде, и нѣтъ для него раздѣленія времени и мѣста: нѣтъ ни часовъ, ни дней, ни годовъ, ни вѣковъ, нѣтъ разстояній ни малыхъ, ни большихъ,—все сливается въ одинъ моментъ — вѣчность, вѣчность, никогда не оканчивающуюся и всегда только еще начинающуюся; все соединяется въ одну точку зрѣнія и эта точка не подлежитъ никакимъ измѣреніямъ. Что же духъ человѣческій видитъ и чувствуетъ? Невыразимымъ ужасомъ поражаетъ его открывшаяся вѣчность, ея безпредѣльность поглощаетъ его ограниченное существо: всѣ его мысли и чувства теряются въ ея безконечности. Онъ видитъ предметы, для которыхъ у насъ нѣтъ ни образовъ, ни названія; слышитъ то, что на землѣ не можетъ быть изображено никакимъ голосомъ и звукомъ; его созерцанія и ощущенія не могутъ быть выражены у насъ ни на ка-

комъ языкѣ и никакими словами. Онъ находитъ тамъ и свѣтъ и мракъ, но не здѣшній, — свѣтъ, предъ которымъ наше яркое солнце свѣтило бы менѣе, чѣмъ свѣча предъ солнцемъ;—мракъ, предъ которымъ наша самая темная ночь была-бы яснѣе дня. Онъ встрѣчаетъ тамъ и подобныя себѣ существа и узнаетъ въ нихъ людей, такъ-же отшедшихъ изъ здѣшняго міра. Но какое измѣненіе! Это уже не здѣшнія лица и не земныя тѣла; это одни души, вполнѣ раскрывшіяся со всѣми ихъ внутренними свойствами, которыя и облекаютъ ихъ соотвѣтственными себѣ образами: по этимъ образамъ души узнаютъ другъ друга, а силою чувства узнаютъ тѣхъ, съ которыми сближались въ здѣшней жизни. Потомъ встрѣчаются духу существа такъ-же сродныя ему по естеству, но такія, которыхъ одно приближеніе дастъ ему чувствовать неизмѣримо высшую надъ нимъ силу ихъ. Одни изъ нихъ выходятъ изъ глубины безпредѣльнаго мрака и все существо ихъ мракъ и зло; они мыслятъ, дѣйствуютъ, живутъ однимъ зломъ; неизобразимыя страданія въ нихъ самихъ и отъ нихъ другимъ скорбь и гибель отличаютъ ихъ каждое движеніе и дѣйствіе. Но это еще въ низшихъ сферахъ духовнаго міра, ближайшихъ къ міру земному. А тамъ, далѣе, духъ человѣческій видитъ безконечное море непостижимаго свѣта, изъ котораго выходятъ другія существа, еще болѣе могучія: ихъ природа и жизнь — одно необъятое добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь; неописанный

свѣтъ наполняетъ все существо ихъ и сопровождаетъ каждое движеніе.

„Итакъ, въ этомъ чудномъ мірѣ духъ человѣка, ничѣмъ не стѣсняемый, и силою своей духовной природы, и неодолимою силою притяженія сроднаго ей міра,—летитъ, летитъ все далѣе и далѣе до того мѣста или, лучше сказать, до той степени, до какой могутъ достигать его духовныя силы, и весь поразительнымъ для него образомъ перерождается. Тотъ ли это духъ, который жилъ въ человѣкѣ на землѣ, духъ немощный, ограниченный и связанный плотію, едва замѣтный подъ массою тѣла, всецѣло ему служащій и порабощенный, такъ что безъ тѣла, повидимому, и жить и развиваться не могъ? Теперь что съ нимъ сталось? Теперь все и доброе и худое быстро, съ неудержимою силою раскрывается: его мысли, чувства, нравственный характеръ, страсти и стремленія воли,—все это развивается въ необъятныхъ размѣрахъ; онъ самъ ихъ ни остановитъ, ни измѣнитъ, ни побѣдитъ не можетъ; безпредѣльность вѣчности увлекаетъ и ихъ до безконечности; его недостатки и слабости обращаются въ положительное зло; его зло дѣлается безконечнымъ; его скорби и духовныя болѣзни обращаются въ безпредѣльныя страданія. Можно ли представить себѣ весь ужасъ такого состоянія? Твоя душа теперь недобрая, но еще подавляющая и скрывающая въ себѣ зло, тамъ явится злою до безконечности; твое худое чувство, здѣсь еще чѣмъ-нибудь сдерживаемое, если ты не искоренишь его

здѣсь, обратится тамъ въ неистовство—въ бѣшенство; если ты здѣсь владѣешь собою, тамъ ты уже ничего не можешь самъ съ собою сдѣлать: все въ тебѣ и съ тобою перейдетъ туда и разовьется въ безконечность. Чѣмъ ты тогда сдѣлаешься? Если ты здѣсь не хорошъ, пребылъ въ нераскаянности, въ ожесточеніи, ты тамъ будешь темнымъ злымъ духомъ. О, тогда ты, грѣшная душа, сама себя не узнаешь, или—ты тогда слишкомъ хорошо узнаешь себя, и еще гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. Помощи никакой тогда и ниоткуда уже не будетъ, и понесетъ тебя твое зло собственнымъ своимъ тяготѣніемъ туда, гдѣ живетъ вѣчное безконечное зло—въ сообществѣ злыхъ духовъ. И на этомъ пути ты ни остановиться, ни возвратиться не можешь, и во вѣки вѣковъ ты будешь страдать,—чѣмъ?—бѣшенствомъ отъ своего собственнаго зла, которое не подастъ тебѣ уже никакой надежды къ лучшему и не дастъ тебѣ покоя въ самомъ себѣ,—и отъ той злой среды, которая будетъ сильнѣе тебя, будетъ вѣчно окружать тебя и терзать тебя безъ конца.

„Что же душа добрая, что съ нею? И добро также раскроется по всей полнотѣ и силѣ; оно будетъ развиваться со всею свободою, которой здѣсь не имѣла, обнаружитъ все свое внутреннее достоинство, здѣсь большею частію сокрытое, неузнаваемое и неоцѣняемое,—весь свой внутренній свѣтъ, здѣсь всячески затемняемый,—все свое блаженство, здѣсь непостигаемое и подавляемое разнообразными скорбями жизни. И понесется эта душа добрая

всею силою своего природнаго, нравственно развитаго и добродѣтельно-возвышеннаго стремленія горѣ, въ высшія сферы того міра, туда, гдѣ въ безконечномъ свѣтѣ живетъ источникъ и первообразъ всякаго добра, въ сообщество свѣтлыхъ чистѣйшихъ существъ, и сама сдѣлается ангеломъ, то есть такимъ же чистымъ, свѣтлымъ, блаженнымъ существомъ. Безпредѣльная любовь будетъ соединять ее съ Богомъ, съ Ангелами и подобными ей душами. Она будетъ уже во вѣки тверда въ своемъ добрѣ, и никакое зло—ни внутреннее, ни внѣшнее не можетъ колебать ее, ни измѣнять ее, ни вредить ея блаженному состоянію".

Показавъ въ краткихъ чертахъ переходъ человѣка въ вѣчность и, такъ сказать, общія основанія загробной жизни, сопровождаемой великими ужасами для грѣшника, мы продолжаемъ наше размышленіе о состояніи человѣка—грѣшника, переступившаго уже въ вѣчность.

Итакъ, Богъ для отверженнаго грѣшника уже не есть Богъ благій и милосердый, но Судія нелицепріятный и неумолимый. Грѣшникъ не зритъ болѣе Его услаждающихъ совершенствъ, но безпрестанно будетъ испытывать на себѣ праведное его отмщеніе. Онъ уже не видитъ благодѣющей десницы, которая простерта была къ нему для извлеченія его изъ погибели, но ощутитъ руку, тяготѣющую надъ нимъ, дабы повергнуть его въ вѣчную муку. *Воззопихъ къ Тебѣ*, говоритъ страждущій Іовъ, и отверженный воскликнетъ еще съ

большимъ воплемъ: *воззовихъ къ Тебѣ, и не услышалъ мя еси: сташа же и смотрѣша на мя. Найдоша же на мя безъ милости, рукою крѣпкою уязвилъ ми еси* (Іов. 30, 20, 21). Такъ непреодолимое врожденное чувство влечетъ его къ Богу, но непобѣдимая грѣховная сила отторгаетъ его отъ Бога.

По странному противорѣчію чувствъ и борьбы оныхъ съ собою, Богъ есть вмѣстѣ предметъ и самыхъ пламенныхъ желаній и самаго невыносимаго страха. Грѣшникъ стремится къ Богу и страшится Его. Онъ ищетъ и не можетъ не искать своего высочайшаго блага и въ тоже время отвращается отъ Него, боясь Его, какъ огня истребительнаго. Стремленіе къ Богу есть дѣйствіе и стремленіе его природы, а желаніе удалиться и сокрыться отъ Бога есть слѣдствіе грѣха. Горькое сочетаніе уваженія и страха, желанія и отвращенія, стремленія и удаленія! Жестокое противорѣчіе чувствъ, совокупляясь въ его сердцѣ, враждуя въ немъ и раздирая оное, составитъ для грѣшника одно изъ величайшихъ мученій.

Страданія отверженнаго грѣшника становятся еще ужаснѣе; страшныя муки его дѣлаются еще нестерпимѣе, при мысли, всегда присущей его уму, что онъ самъ привлекъ ихъ на себя. Угрызеніе совѣсти послужитъ для него не только наказаніемъ, но и увеличеніемъ всѣхъ его наказаній. Грѣшникъ испытывалъ сіе мучительное чувство еще на землѣ, при совершеніи грѣховъ, теперь

онъ перенесъ его и въ адъ вмѣстѣ съ своими грѣхами. Здѣсь это чувство было благодѣяніемъ для грѣшника, тамъ будетъ наказаніемъ. На землѣ оно было тайнымъ голосомъ, который давалъ грѣшнику знать о существованіи адскихъ мукъ и увѣщевалъ избѣгать ихъ, но тамъ оно будетъ грознымъ голосомъ, который не перестанетъ повторять ему, что онъ по собственной винѣ ввержень въ бездну мученій. Нѣкогда это чувство было спасительнымъ, внушающимъ избѣгать адскихъ мукъ, теперь это чувство составляетъ адъ въ его сердцѣ болѣе страшный, нежели тотъ, который окружаетъ его.

Если бы сіе благотворное чувство во время земной жизни дѣйствовало на него всѣми своими угрозами,—онъ не испыталъ бы тѣхъ ужасовъ и мученій, которымъ онъ долженъ подвергнуться за попраніе этого чувства. Если бы онъ былъ послушенъ и внимателенъ къ голосу своей совѣсти, онъ не услышалъ бы отъ праведнаго Судіи грознаго осужденія на вѣчныя мученія. Если здѣсь больно и страшно жало совѣсти, тогда какъ оно только пробуждаетъ насъ отъ усыпленія грѣховнаго, то оно несравненно будетъ тамъ мучительнѣе и страшнѣе, когда начнетъ уязвлять и раздирать насъ. Горе намъ, если мы взойдемъ на послѣдній предѣлъ своего несчастія—ослабимъ и даже подавимъ въ себѣ угрызенія совѣсти. Въ земной жизни это угрызеніе совѣсти разсѣвается среди мірскихъ заботъ и попеченій, ослабляется и даже притупляется среди чувственныхъ наслажденій и увеселе-

ній. и какъ бы совершенно уничтожается его сила и дѣйствіе отъ ложныхъ нравственныхъ причинъ (что по смерти никому ничего не будетъ), но въ адѣ сей никогда ненасыщаемый червь не умираетъ. Отверженный грѣшникъ безпрерывно и вѣчно самъ будетъ своимъ обвинителемъ, своимъ судьею, своимъ мучителемъ.—Этотъ строгій обвинитель самъ для себя будетъ непрестанно зрѣть и представлять себѣ всю ничтожность земныхъ благъ, коимъ онъ принесъ въ жертву свою душу и всѣ дары Божіи, ниспосланные на него. Онъ будетъ терзаться тою мыслію, что могъ бы, если бы только пожелалъ, употребить эти дары для своего вѣчнаго спасенія,—однако же не употребилъ по своей лѣности и разсѣянности, а обратилъ ихъ въ орудіе своей погибели. Къ сему присоединится тягчайшее бремя мученія отъ того, что грѣшникъ ясно увидитъ всѣ преступленія, всѣ беззаконія, которыя онъ совершилъ въ жизни,—увидитъ ихъ во всемъ своемъ безобразіи,—готовыми обрушиться на главу его, чтобы подавить ее и изгнать всякій миръ изъ его сердца (Псал. 37, 4, 5). Неумолимый самъ для себя судія, законопреступникъ среди своихъ мученій не можетъ не признать справедливости приговора, изреченнаго надъ нимъ небеснымъ правосудіемъ, и самъ будетъ повторять его надъ собою въ каждое мгновеніе. Онъ сдѣлается безжалостнымъ мучителемъ для самого себя, будетъ казнить себя собственными преступленіями, будетъ мучить себя еще съ большею же-

стокостію, нежели другія орудія Божественнаго гнѣва,—мучить воспоминаніемъ прошедшаго, чувствомъ настоящаго и видѣніемъ грядущаго въ безпредѣльной вѣчности.

Необъятная вѣчность будетъ продолженіемъ страшныхъ его мученій во адѣ. Изъ всѣхъ непостижимыхъ золъ ада—самое ужасное зло есть его вѣчность. Протяженіе безъ предѣловъ, бездонная пучина, куда умъ чѣмъ болѣе углубляется, тѣмъ болѣе теряется. Вѣчность не можетъ быть вычисляема, потому что не имѣетъ числа, потому что всякая мѣра ограничена, а вѣчность безгранична. Напрасно воображеніе осужденнаго тщится проникнуть въ сію безпредѣльную глубину; вотще пробѣгаетъ мыслями тысячи и милліоны лѣтъ и столѣтій. Эти цифры и вычисленія не подвигаются впередъ ни на шагъ, ни на одну единицу: цѣлая вѣчность остается предъ человѣкомъ нетронутою—во всей полнотѣ своей. Настоящее, безпрерывное, неизмѣняемое, постоянно текущее, но не умаляющееся,—вотъ все, что можно сказать о вѣчности и чему научаетъ насъ вѣровать слово Божіе.

Православная вѣра поражаетъ слухъ нашъ симъ грознымъ приговоромъ, который осуждаетъ грѣшника на вѣчное существованіе, исполненное страданій. Она открываетъ намъ всю вѣчность, которая служитъ какъ-бы завершеніемъ и полнотою всѣхъ адскихъ мученій. Все вѣчно для осужденнаго на мученія: вѣченъ и неизмѣненъ приговоръ, который осудитъ грѣшника на отверженіе; вѣченъ

огонь, который будетъ его мучить; вѣченъ червь, который не перестанетъ его грызть; вѣчна темница, въ которой онъ заключенъ будетъ; вѣчна скорбь, которая будетъ его снѣдать; вѣчны ярость и гнѣвъ, которые будутъ его преслѣдовать; вѣчны злобные духи, которые будутъ его терзать и мучить; вѣченъ самъ онъ, какъ вѣчная жертва вѣчныхъ мученій. Тоже св. Писаніе, которое открываетъ намъ вѣчное блаженство, уготованное избраннымъ Божіимъ, въ такихъ же выраженіяхъ свидѣтельствуетъ и о вѣчныхъ мученіяхъ, которыя ожидаютъ отверженныхъ грѣшниковъ. Не сомнѣваясь въ существованіи одного, т. е. блаженства, мы не можемъ сомнѣваться въ дѣйствительности бытія и другихъ, т. е. вѣчныхъ мукъ. Сказанія о злосчастной вѣчности для нераскаянныхъ грѣшниковъ столь ясны, опредѣленны и многочисленны въ словѣ Божіемъ, что не вѣрить въ нихъ значитъ отрицать догматы христіанства,—не вѣрить словамъ Самого Іисуса Христа. Если адскія мученія имѣютъ конецъ, то слово Божіе ложно. Оригенъ дерзнулъ опровергать сей догматъ и утверждать, что будто бы, по окончаніи срока, опредѣленнаго правосудіемъ Божіимъ, мученія осужденныхъ кончатся, но вселенская Церковь возстала противъ сего заблужденія и осудила его и постоянно осуждаетъ.

Нашъ разумъ самъ собою, безъ помощи Откровенія, не можетъ вполнѣ постигнуть вѣчности мукъ, и было бы несправедливо требовать, чтобы

онъ доказалъ то, что выше его понятій. Но покорный вѣрѣ православной и просвѣщенный свѣтомъ ея, онъ (разумъ) принимаетъ сей страшный догматъ и открываетъ отношеніе и согласіе сего догмата съ другими основными истинами христіанской религіи. Для нашего ограниченнаго ума непостижимо вѣчное продолженіе мученій, но мы также не постигаемъ всей тяжести и важности грѣха. Постигаемъ-ли мы всю необъятность и безмѣрность оскорбленій, нанесенныхъ величію Божескому нашими законопреступными дѣлами? Обратимъ внимательный взоръ на крестъ Господа Іисуса Христа и мы ясно увидимъ на немъ рѣшеніе своему недоумѣнію. Представимъ себѣ, что для нашего очищенія отъ грѣховъ была нужна смерть Богочеловѣка,—что эта единственная Жертва была необходима для возсоединенія нашего съ самимъ Господомъ, и мы тогда не будемъ удивляться, что для правосуднаго наказанія нашихъ грѣховъ потребна цѣлая вѣчность; и тайна безконечнаго милосердія Божія приведетъ насъ къ вѣрѣ въ высочайшее правосудіе Его. Если бы временныя наказанія достаточны были для того, чтобы изгладить наши грѣхи, то безконечное удовлетвореніе правосудію Божію было бы не нужно и кровь Искупителя нашего, пролитая за грѣхи наши, была бы излишнею для погашенія огня, который современемъ погасъ бы самъ собою.

Высочайшей премудрости и благости Божіей благоугодно было противопоставить потоку чело-

вѣческихъ страстей сильный оплотъ—страхъ вѣчныхъ мученій. Внушая намъ сіе чувство и указывая на начало нашей безсмертной и блаженной жизни, Божественный Промыслъ хотѣлъ намъ дать и далъ, какъ два побужденія для правильной нашей дѣятельности, надежду вѣчнаго блаженства и страхъ вѣчныхъ мученій, кои не имѣютъ другой мѣры, кромѣ безконечнаго продолженія нашего бытія.

По опредѣленію правосуднаго Бога, грѣхи могутъ быть заглаждены только искреннимъ и дѣйствительнымъ покаяніемъ, свободнымъ и произвольнымъ. Во адѣ нѣтъ мѣста покаянію, тамъ есть только раскаяніе принужденное, тщетное, безъ силы, безъ заслуги, безъ дѣйствія. Это безплодное раскаяніе и принужденное не истребляетъ грѣховъ, не уничтожаетъ гибельнаго ихъ вліянія на душу, а потому и оставляетъ ее всегда виновною предъ Богомъ, безотвѣтною и безутѣшною.

Божественное правосудіе, оскорбленное грѣхами человѣческими, требуетъ удовлетворенія за грѣхи, ожидаетъ со стороны человѣка истиннаго раскаянія въ оныхъ. Человѣкъ отвергаетъ это легкое и самое благонадежное средство къ примиренію съ Богомъ, а потому своевольно подвергается наказанію, самъ привлекаетъ на себя гнѣвъ Божій.

Совершенная святость Божія ненавидитъ грѣхъ и преслѣдуетъ его. Грѣхъ предаетъ преступника ея преслѣдованію и ея гнѣву (Мал. 1, 4). А такъ какъ грѣхи нераскаянныхъ грѣшниковъ никакъ и ничѣмъ не могутъ уже уничтожиться, будучи всегда

присущи безсмертной душѣ, то святость Божія никогда не престанетъ простирать на нихъ своего отмщенія. Богъ не былъ бы святымъ, если бы, хотя на одно мгновеніе, не осуждалъ грѣховъ.

Въ разныя времена предлагаемы были разные вопросы касательно вѣчности мукъ. Искали возраженій въ самомъ Богѣ противъ ясныхъ словъ Его. Какъ, говорятъ вольномыслящіе, примирить благость Божію съ вѣчнымъ Его гнѣвомъ? Если Онъ безконечно милосердъ, то онъ не можетъ вѣчно враждовать и карать грѣшниковъ. Если же Онъ вѣчно будетъ наказывать грѣшниковъ, то гдѣ же Его безконечное милосердіе? Какъ согласить милосердіе Божіе съ Его правосудіемъ? Всѣ свойства Божіи въ Богѣ согласны между собою и нисколько не противорѣчатъ одно другому. Средства, коими Господь примиряетъ свою безконечную благость съ своею вѣчною правдою, Онъ сокрываетъ въ глубинахъ своей премудрости, и вполнѣ не могутъ быть объяснены нашимъ ограниченнымъ разумомъ. Однако насколько силы его (разума) могутъ постигать,— Богъ открываетъ намъ свое милосердіе, дабы мы призывали оное на себя; Онъ же указываетъ намъ на вѣчность Своего гнѣва, дабы мы старались избѣгать его.

Міролюбцы обыкновенно представляютъ себѣ благость и милосердіе Божіе подъ такими образами, которые пріятны нашимъ страстямъ. Мы желали бы, чтобы сіи свойства — благость и милосердіе были подобны человѣческимъ, которыя перерожда-

ются въ слабость, и подъ сѣнью коихъ грѣшники могли бы наслаждаться спокойствіемъ тѣлеснымъ, а не душевнымъ,—увѣренные въ будущемъ отпущеніи своихъ грѣховъ. Мы хотѣли бы, чтобы Богъ не имѣлъ другихъ свойствъ, кромѣ благости и милосердія. Безъ сомнѣнія, Онъ милосердъ и преблагъ, и мы это ощущаемъ на себѣ въ каждую минуту, если только будемъ внимательны къ путямъ своей жизни. По милосердію Своему, Онъ терпѣливо ожидаетъ нашего обращенія, ищетъ насъ, побуждаетъ насъ къ раскаянію различными средствами, предлагаетъ намъ самыя сильныя къ тому побужденія, доставляетъ самые вѣрные и безчисленные способы. Дѣйствительно, Онъ милосердъ, но вмѣстѣ и святъ—не такъ какъ люди, склонные сочувствовать грѣху другаго, по чувству собственной слабости, и обязанные терпѣть его, будучи не въ силахъ воспрепятствовать ему, или наказать его, какъ должно. Богъ милосердъ, но вмѣстѣ и правосуденъ не человѣческою правдою, которая истощается отъ времени, забываетъ преступленія. или не сильно ими трогается и которая, наконецъ, если не даетъ полнаго прощенія пороку, то и не поражаетъ его всею полнотою наказанія. Правосудіе Божіе неизмѣнно и вѣчно, какъ неизмѣнно и вѣчно само существо Бога. Правосудія Божія отдѣлить отъ другихъ свойствъ Божескихъ невозможно. Вѣчно и Его милосердіе, только не въ противорѣчіе Его совершенствамъ. Оно (милосердіе) не имѣетъ границъ, потому что прощаетъ всѣ пре-

ступленія, въ коихъ люди искренне раскаяваются, но оно не смягчается къ нераскаяннымъ грѣшникамъ. Оно не истощается само въ себѣ, но, такъ сказать, не вмѣщается въ человѣкѣ, по причинѣ его ожесточенія и упорнаго пребыванія во злѣ.

Далѣе разсуждаютъ неблагомыслящіе такъ: правосудіе Божіе должно наконецъ положить предѣлъ наказаніямъ, которыя оно опредѣляетъ грѣшникамъ. Справедливо-ли, возражаютъ они, вѣчно карать грѣхъ, продолженіе котораго было столь кратковременно? Будетъ-ли какая-либо соразмѣрность и сообразность между минутнымъ преступленіемъ и вѣчностію мученій? Почему за временное согрѣшеніе люди подвергаются вѣчному наказанію?

Возраженія эти сильны при первомъ взглядѣ, но при внимательномъ изслѣдованіи ихъ содержанія,— они легко разрушаются. За преступленіе, совершенное въ одну минуту, не наказываемъ ли мы виновника онаго долговременнымъ наказаніемъ? Не покрываемъ ли мы его безславіемъ, которое повсюду будетъ слѣдовать за нимъ, если бы жизнь законопреступника продолжилась и за сто лѣтъ? Не осуждаемъ ли мы на тяжкія работы, на изгнанія, на самую смерть, ударъ которой невозвратимъ, а слѣдствія вѣчны? За кратковременныя заблужденія мы платимъ наказаніями, которыя продолжаются столько времени, сколько есть онаго въ нашей власти, а между тѣмъ отнимаемъ право наказывать такимъ же образомъ у правосудія небеснаго! Развѣ оскорбленія грѣховныя, нанесенныя величію Бо-

жію,—нашему Творцу, Благодѣтелю и Искупителю, менѣе важны, чѣмъ тѣ, кои причиняются людямъ смертнымъ? Развѣ власть судей земныхъ, которая проистекаетъ отъ Судіи небеснаго, гораздо важнѣе, обширнѣе и уважительнѣе, чѣмъ власть Бога Вседержителя?

Такая участь постигнетъ грѣшниковъ, если они не предотвратятъ оной сердечнымъ покаяніемъ. Несчастія сей жизни никогда не бываютъ безъ облегченія, или безъ той надежды, что они когда нибудь кончатся. Представленіе въ будущемъ перемѣны на лучшее служитъ облегченіемъ и услажденіемъ въ настоящихъ скорбяхъ. Мысль, что съ каждымъ днемъ страданія уменьшается срокъ несчастій, ободряетъ страждущаго и укрѣпляетъ его. Видя приближеніе конца своихъ скорбей, люди ожидаютъ его съ терпѣніемъ, но будущія мученія чужды всякаго утѣшенія, всякаго облегченія и всякой отрады. Надежда никогда не проникнетъ въ бездны ада; никогда не падетъ на осужденныхъ ни одна капля спасительной крови Іисуса Христа. Милосердіе Божіе, нѣкогда столь предупредительное, столь щедрое къ нимъ, невозвратно удалится отъ нихъ и предастъ ихъ навсегда неумолимому правосудію.

Эта участь грѣшниковъ, столь ужасная сама по себѣ, будетъ еще ужаснѣе отъ того, что отверженный самъ вполнѣ сознаетъ оную. Онъ несомнѣнно будетъ убѣжденъ въ томъ, что продолженіе его мученій въ адѣ есть и будетъ безконечное про-

долженіе вѣчности. Съ той минуты, какъ входитъ онъ въ адъ, страшная увѣренность въ непрерывности мученій заставляетъ его въ мысляхъ терпѣть все то, что онъ терпитъ въ дѣйствительности. Вѣчность будетъ мѣрою его наказанія. Въ каждое мгновеніе она всегда будетъ присуща уму грѣшника и безпрестанно тяготѣть надъ нимъ всею силою адскихъ мученій. Вѣчно страдать и никогда не имѣть надежды на улучшеніе своего бытія,— не имѣть возможности ни укротить своихъ желаній и стремленій, ни усладить чѣмъ-либо своего отчаянія—какой ужасный и невыносимо скорбный скребій! *Грѣшникъ узритъ*, говоритъ Пророкъ Давидъ, *и прогнѣвается, зубы своими поскрежещетъ и растаетъ: желаніе грѣшника погибнетъ* (Псал. 111, 10). Несчастный желаетъ конца своихъ мукъ, а страшный голосъ повторяетъ ему: нѣтъ болѣе для тебя конца, погибла для тебя всякая надежда (Апок. 14, 11). Онъ ищетъ по крайней мѣрѣ хотя малаго облегченія своимъ невыносимымъ мукамъ и не находитъ. Евангельскій богачъ проситъ одной капли воды, чтобы устудить языкъ (Лук. 16, 23). но и въ семъ маломъ и легкомъ прошеніи ему отказано. Мученія ада не только вѣчны, но и безпрерывны. Страданія отверженныхъ отъ лица Божія не имѣютъ ни конца, ни предѣла, ни границъ, ни ни ослабы, ни уменьшенія: каждая минута возобновляетъ оныя во всей своей силѣ и полнотѣ. Наконецъ, они (грѣшники) ищутъ, они просятъ съ горькими рыданіями, съ ужасными воплями, своего соб-

ственнаго уничтоженія, но смерть убѣгаетъ отъ нихъ. Смерть, которая нѣкогда была для насъ столь горькою, страшною и ужасною, теперь становится для насъ предметомъ желаній и прошеній. „Червь жестокій, грызущій меня, для чего ты меня не пожрешь? Пламя, жгущее меня, зачѣмъ ты меня не испепелишь“? Но вопли безсильны, желанія безполезны, прошенія и молснія напрасны: для осужденныхъ во адъ нѣтъ даже и смерти (Апок. 9, 6). Они просятъ уничтоженія своего бытія, но бытіе ихъ неразрывно связано съ вѣчностію и не будетъ имѣть предѣловъ, также какъ и сама вѣчность безпредѣльная.

Св. Златоустъ, опровергая мнѣнія тѣхъ лжемыслителей, которые утверждали, что адскихъ мукъ и геенны не будетъ, потому что Богъ человѣколюбивъ,—говоритъ: *) „развѣ напрасно Господь сказалъ, что Онъ грѣшниковъ пошлетъ въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его (Матѳ. 25, 41)? Но это сказано, говорятъ они, только для угрозы, чтобы мы вразумились. А если мы не вразумимся и останемся злыми—скажи мнѣ,—то Богъ не пошлетъ наказанія? И добрымъ не воздастъ наградъ? Воздастъ, говорятъ неправомыслящіе, потому что Ему свойственно оказывать благодѣянія даже и выше заслугъ. Итакъ, послѣднее истинно и непремѣнно будетъ, а что касается до наказаній, то ихъ не будетъ? О, великое ковар-

*) 3 чт. на мѣс. св. Пис. о соверш. любви.

ство діавола, о, безчеловѣчное такое человѣколюбіе! Ибо ему (діаволу) принадлежитъ эта мысль, обѣщающая безполезную милость и дѣлающая людей безпечными. Такъ какъ онъ (діаволъ) знаетъ, что страхъ наказанія, какъ бы нѣкоторая узда, удерживаетъ нашу душу и обуздываетъ пороки, то онъ дѣлаетъ все и принимаетъ всѣ мѣры, чтобы исторгнуть его (страхъ) съ корнемъ, дабы потомъ мы безбоязненно неслись въ пропасть. Какъ же мы преодолѣемъ его? Изъ Писаній что ни говорили бы мы, противники скажутъ, что это написано для угрозы. Но если они могутъ говорить такъ о будущемъ, хотя и весьма нечестиво, то о настоящемъ, и уже исполнившемся, не могутъ. Итакъ, спросимъ ихъ: слыхали-ли вы о потопѣ и всеобщемъ тогдашнемъ истребленіи? Для угрозы-ли было сказано и это? Развѣ это не исполнилось и не произошло на самомъ дѣлѣ? Не свидѣтельствуютъ ли объ этомъ и горы Арменіи, гдѣ остановился ковчегъ? Подобнымъ образомъ и тогда говорили и въ теченіе ста лѣтъ, когда ковчегъ строился, и дерева приготовлялись, и праведникъ возвѣщалъ, никто не вѣрилъ этому. Но такъ какъ не вѣрили угрозѣ на словахъ, то внезапно подверглись наказанію на самомъ дѣлѣ. А кто навелъ такое наказаніе на нихъ, Тотъ не гораздо ли болѣе наведетъ на насъ? Нынѣ совершаемыя злодѣянія не меньше тогдашнихъ. Тогда происходили беззаконныя смѣшенія, а теперь нѣтъ такого вида грѣха, который былъ бы оставленъ безъ дѣйствія. Но если

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

угодно, скажемъ и о другихъ родахъ наказанія, чтобы по прошедшему вѣрить и будущему. Будьте свидѣтелями вы истины того, что я скажу. Выше Аскалона и Газы у самаго конца рѣки Іордана была страна обширная и плодоносная, которая могла равняться съ раемъ Божіимъ, а теперь она—пустыннѣйшая изъ всѣхъ пустынь. Ибо тамъ стоятъ деревья и имѣютъ плодъ, но плодъ этотъ напоминаетъ о гнѣвѣ Божіемъ; висятъ гранатовыя яблоки, имѣющія прекрасный видъ и подающія незнающимъ пріятныя надежды, но, бывъ взяты въ руки и разломаны, не оказываютъ никакого плода, но пыль и прахъ, во множествѣ находящіеся внутри ихъ. Такова тамъ земля, таковы камни, таковъ самый воздухъ. Все сожжено, все обратилось въ прахъ, напоминая о прошедшемъ гнѣвѣ, и предъуказывая будущее наказаніе.

Неужели и это словесныя угрозы? Неужели и это—одни звуки словъ? Если кто не вѣритъ геенѣ и вообще адскимъ мукамъ, то пусть вспомнитъ о Содомѣ, о Гоморрѣ, о наказаніи, которое уже исполнилось и остается донынѣ. Нужно сказать и причину, за что они такъ пострадали. У нихъ было одно преступленіе тяжкое и заслуживающее проклятія, но только одно: они предавались неистовой страсти (плотской), за что и сожжены огненнымъ дождемъ. А теперь совершаются безчисленныя подобныя и тягчайшія преступленія, но такого сожженія не бываетъ. Почему?—Потому что приготовленъ другой огонь, никогда неугасаемый. Ибо Тотъ,

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

кто показалъ такой гнѣвъ за одинъ грѣхъ, не принялъ ходатайства Авраама и не былъ удержанъ живпимъ тамъ Лотомъ, — какъ пощадитъ насъ, совершающихъ столько зла“?

Но не ограничимся этимъ, а представимъ и другихъ наказанныхъ, чтобы многочисленными примѣрами убѣдиться въ истинѣ сказаннаго. Всѣ вы слышали о Фараонѣ, царѣ Египетскомъ; вы знаете и наказаніе, коему онъ подвергся, какъ онъ вмѣстѣ съ колесницами и конями и его всѣмъ войскомъ былъ потопленъ въ Чермномъ морѣ. Чтобы вамъ вспомнить также и о Іудеяхъ, послушайте Апост. Павла, который говоритъ: *ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиша, и падоша во единъ день двадесять три тысящи; но не будемъ роптати, якоже нѣцыи отъ нихъ ропташа, и погибоша отъ всегубителя: ни да искушаемъ Господа, якоже нѣцыи отъ нихъ искусиша, и отъ змій погибоша* (1 Кор. 10, 8—10). Если же они (Іудеи) испытали такія наказанія за свои грѣхи, то чего не испытаемъ мы? Теперь мы не терпимъ ничего тяжкаго, но потому особенно и нужно страшиться: ибо не потому мы сберегаемся, чтобы не терпѣть наказанія, но чтобы потерпѣть большее, если не исправимся. Тѣ не знали геенны и предаваемы были здѣшнимъ наказаніямъ, а мы за грѣхи, какіе сдѣлаемъ, если не потерпимъ ничего прискорбнаго въ настоящей жизни, то испытаемъ все въ будущей. Ибо сообразно ли было бы, тогда какъ тѣ, имѣвшіе дѣтскія понятія, столько страдали, намъ, получившимъ

совершеннѣйшее ученіе и дѣлающимъ гораздо худшіе грѣхи, какъ избѣжать наказанія? Хотите ли слышать и о прочихъ несчастіяхъ, которыя претерпѣли они (Іудеи) въ Палестинѣ отъ Вавилонянъ, Ассиріанъ и Македонянъ? Сколько перенесли они голода, заразъ, войнъ, плѣненій, при Титѣ и Веспасіанѣ? Между прочими бѣдствіями они терпѣли такой крайній голодъ, что ѣли пояса, обувь и еще худшія вещи, потому что нужда заставляла ѣсть сіе, какъ говоритъ Іосифъ Флавій. И этимъ они не ограничивались, но ѣли даже собственныхъ дѣтей. Какъ же, тогда какъ они претерпѣли такія наказанія, мы, которые дѣлаемъ худшее, избѣгнемъ наказанія? Если они были наказаны тогда, то почему мы не наказываемся теперь? Не ясно ли и для слѣпаго, что это потому, что намъ готовится наказаніе въ будущей жизни. При семъ нужно подумать и о томъ, что бываетъ въ настоящей жизни, и мы не станемъ отвергать геенны и вообще адскихъ мученій.—Если Богъ праведенъ и нелицепріятенъ, какъ и дѣйствительно Онъ таковъ, то почему здѣсь одни за убійство терпятъ наказаніе, а другіе не терпятъ? Почему изъ прелюбодѣевъ одни наказываются, а другіе умираютъ ненаказанными? Сколько гробокопателей избѣгли наказанія, сколько разбойниковъ, сколько корыстолюбцевъ, сколько грабителей? Если бы не было геенны, то гдѣ они понесутъ наказаніе? Убѣдимъ-ли мы противорѣчащихъ, что ученіе о ней (геенѣ) — не басня? Оно такъ истинно, что не мы только, но и

стихотворцы, и философы, и баснописцы (языческіе) разсуждали о будущемъ воздаяніи и утверждали, что нечестивые наказываются во адѣ. Если они не могли сказать о семъ по истинѣ, такъ какъ есть на самомъ дѣлѣ, потому что они руководились умозаключеніями, а не вѣрно слышаннымъ нашимъ ученіемъ, однако они признавали нѣкоторый образъ суда. Они упоминаютъ о нѣкоторыхъ рѣкахъ, исполненныхъ плача и огня, о водѣ Стикса и тартарѣ, настолько отстоящемъ отъ земли, насколько она отъ неба, и о многихъ другихъ способахъ наказанія; также объ островахъ блаженныхъ, о цвѣтистыхъ лугахъ, о великомъ благоуханіи, о тонкомъ вѣтрѣ, о сонмахъ, тамъ обитающихъ, одѣтыхъ въ бѣлую одежду и поющихъ нѣкоторые гимны; вообще, о воздаяніи, ожидающемъ и добрыхъ и злыхъ послѣ здѣшней жизни. Итакъ, не будемъ отвергать геенны, чтобы намъ не впасть въ нее; ибо невѣрующій дѣлается безпечнымъ, а безпечный непремѣнно попадетъ въ нее; но будемъ несомнѣнно вѣрить и часто говорить о ней, и тогда мы не скоро станемъ грѣшить *). Будемъ чаще нисходить умомъ во адъ, чтобы не низойти туда на вѣчно душой и тѣломъ, говоритъ Святит. Тихонъ Задонскій.

Но размышленіе о геенпѣ и о мукахъ ада не должно быть для насъ однимъ безплоднымъ умозрѣніемъ. Богъ открываетъ намъ мученія для того, чтобы мы ихъ избѣгли. Онъ въ своемъ премудромъ

*) Том. 15, письмо 26.

и спасительномъ промыслѣ о насъ хочетъ, чтобы мысль объ адѣ была для насъ предостереженіемъ противъ ада. Господь поражаетъ насъ звукомъ страшнаго своего грома, дабы мы старались укрыть главы свои подъ кровомъ христіанскаго благочестія. Отъ размышленія о безднѣ адской, въ которой обитаетъ отчаяніе, подойдемъ ближе къ самимъ себѣ и разсмотримъ нравственныя слѣдствія, которыя приноситъ ученіе о семъ страшномъ предметѣ. Мы откроемъ три главнѣйшія (слѣдствія) изъ нихъ: размышленіе объ адѣ, боязнь ада и желаніе избѣжать ада.

Изъ двухъ началъ, опредѣляющихъ человѣческія дѣйствія, самое сильное и самое дѣйствительное есть, безъ сомнѣнія, страхъ какого-либо зла, или несчастія. Желаніе благополучія—чувство пріятное, но потому самому оно менѣе живо и менѣе сильно. Надлежало бы желать, чтобы всѣ люди покланялись и служили Богу по чистому побужденію любви, по истинному стремленію нѣкогда соединиться съ Нимъ. Но сіе высшее побужденіе, столь достойное христіанской души, для большей части смертныхъ и недоступно. Плотскій человѣкъ рѣдко восходитъ до мыслей столь возвышенныхъ, столь чистыхъ, столь далекихъ отъ всего чувственнаго, столь сообразныхъ съ Духомъ Божіимъ (1 Кор. 2, 14). Мысль объ адѣ,—вѣчномъ обиталищѣ тѣхъ, кои жили и умерли жертвами гнѣва Божія, мысль о семъ ужасномъ жилищѣ, которое будетъ и его собственностію, если и онъ жилъ и умеръ въ нера-

скаянности, какъ и они,—дѣйствуютъ на его душу гораздо сильнѣе. При свѣтѣ сего невыразимо жгущаго, но не сожигающаго пламени, грѣшникъ видитъ все безобразіе грѣха, видитъ и то страшное наказаніе, которое ожидаетъ его за грѣхи. Мысль о вѣчныхъ адскихъ мученіяхъ есть плодотворное начало для всего добраго,—крѣпкая узда, удерживающая отъ всякаго зла. Памятованіе объ этомъ, по словамъ св. Златоуста, есть какъ бы нѣкоторое горькое лѣкарство, могущее истребить всякій порокъ, если оно (памятствованіе) будетъ постоянно пребывать въ нашей душѣ. Итакъ, будемъ помнить объ адскихъ мученіяхъ во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ—и прежде совершенія грѣха, чтобы воздерживаться отъ него, и послѣ совершенія грѣха, дабы чрезъ это, по крайней мѣрѣ, обнажилось его безобразіе и показало намъ, куда и въ какую пропасть влечетъ насъ грѣхопаденіе.

Грѣшники! будемъ помнить тѣхъ несчастныхъ, которые безутѣшно страдаютъ въ безднахъ адскихъ: они были нѣкогда тѣмъ, чѣмъ теперь мы; что, можетъ быть, скоро и мы будемъ тѣмъ, что теперь они; что продолжая идти ихъ развратными путями, мы придемъ къ одному съ ними пагубному концу. Будемъ помнить все это—и мы, конечно, поспѣшимъ на стези правды и спасенія.—Для избѣжанія жребія отверженныхъ, св. ап. Павелъ умерщвляетъ и порабощаетъ свое тѣло (1 Кор. 9, 27). Воспоминаніемъ о вѣчныхъ лѣтахъ Давидъ укрѣпляетъ себя

въ истинномъ служеніи Богу (Псал. 76, 6). Таковое размышленіе покрыло лобныя мѣста мучениками, населило пустыни отшельниками,—монастыри дѣвственниками и дѣвами,—рай святыми.

Глубокое размышленіе о вѣчныхъ мученіяхъ ада невольно внушаетъ страхъ къ нимъ, а съ симъ страхомъ неразрывно соединено опасеніе грѣха, который, безъ сомнѣнія, приведетъ къ нимъ, если человѣкъ пребудетъ въ совершенномъ забвеніи и безпечности о своемъ спасеніи. Если зрѣлище временнаго несчастія, имѣющее обрушиться на насъ, приводитъ насъ въ трепетъ, то какой страхъ и ужасъ должны объять насъ при одномъ воображеніи того несчастія, которое угрожаетъ намъ мучительною вѣчностію. Мы трепещемъ предъ злобными людьми, могущими нанести нашему тѣлу смертный ударъ, хотя, по ученію евангельскому, это нисколько не должно приводить насъ въ страхъ. Мы должны непрестанно трепетать предъ верховнымъ страшнымъ Судіею, который можетъ ввергнуть въ геенну и наше тѣло, и нашу душу (Матѳ. 10, 28). Пророкъ Давидъ зналъ спасительную силу сего страха, когда неотступно просилъ Господа, чтобы страхъ вѣчнаго суда и осужденія проникъ въ самую плоть его (Псал 118, 120). При мысли объ адскихъ вѣчныхъ мученіяхъ приходятъ въ ужасъ самые избранные Божіи, проливаютъ горькія слезы, тогда какъ имъ менѣе всѣхъ должно опасаться оныхъ мукъ. Подвижники благочестія и самыя духоносныя люди содѣлываютъ свое спасе-

ніе со страхомъ и трепетомъ (Фил. 2, 12), а мы, несчастные, сколько разъ прогнѣвали Бога своими беззаконіями и сколько разъ заслуживали уже и наказанія за оныя, но всеблагій Господь терпитъ и милуетъ насъ, ожидая нашего обращенія. Если бы правосудный Богъ взялъ насъ изъ міра сего, изъ среды неправды и лукавства—въ сію самую минуту, мы погибли бы навсегда среди безутѣшныхъ воплей и отчаянія; связанные узами грѣха, порабощенные исконному человѣкоубійцѣ, мы были бы на всю вѣчность отвержены отъ лица Божія. Святый Духъ устами премудраго говоритъ, что никто не знаетъ, достоинъ ли онъ любви или ненависти (Еккл. 9, 1). Апостолъ Павелъ,—сей сосудъ избранный, не сознавая за собою ничего (худаго), однакоже не оправдывалъ себя, но оправданіе свое предоставлялъ Богу. *Ничесоже въ себѣ свѣмъ*, говорилъ онъ, *но ни о семъ оправдаюся: восплзуяй же мя Господь есть* (1 Кор. 4, 4). А мы осмѣливаемся думать и надѣяться—быть предметомъ не гнѣва Божія, а снисхожденія и милосердія Его.— Можетъ быть нѣкоторое скажутъ: мы приносили грѣхи свои предъ священное судилище, молили Бога о прощеніи оныхъ, старались очищать свои беззаконія покаяніемъ въ нихъ?—Но отложили ли мы ихъ навсегда отъ себя? Возненавидѣли ли свои преступленія совершенною ненавистію? Была ли молитва наша о прощеніи намъ грѣховъ растворена необходимымъ для сего сокрушеніемъ и смиреніемъ? Принесена ли была жертва Богу, сколько

нибудь соразмѣрная съ количествомъ, важностію и тяжестію грѣховъ? Это рѣшительно намъ неизвѣстно. Намъ позволено надѣяться, что наше раскаяніе во грѣхахъ принято милосердіемъ Божіимъ, но въ тоже время мы должны трепетать, что оно было исполнено безъ достаточной строгости, безъ должнаго благоговѣнія, безъ рѣшительнаго намѣренія не возвращаться болѣе на прежніе грѣхи, а потому оно (раскаяніе) не имѣетъ ни силы, ни дерзновенія предъ Богомъ.

Пророкъ вѣщаетъ объ адѣ: *разшири адъ душу свою, и разверзе уста своя, еже не престати: и снидутъ славніи велиціи, и богатіи, и губители ихъ и веселяйся въ немъ* (Ис. 5, 14). Грозныя строки сіи, можетъ быть, служатъ для насъ послѣднимъ напоминаніемъ объ адѣ, которымъ мы имѣемъ еще случай воспользоваться,—послѣднимъ благодѣяніемъ милосердія Божія, которое еще разъ показываетъ намъ бездну, дабы извлечь насъ изъ оной. Пусть же это напоминаніе о близости конца жизни побуждаетъ обратиться къ самимъ себѣ и глубже вникнуть въ сокровенные изгибы сердца. съ тою же самою угрозою, съ какою нѣкогда Богъ, чрезъ пророка Іезекіиля, обращался къ Іудеямъ: *конецъ пришелъ есть, прінде конецъ, воста на тя, се прінде. Прінде плетеніе на тя живущаго на земли: прінде время, приближися день, не съ молвою, ниже съ болъзньми. Нынѣ изблизу излію гнѣвъ мой на тя, и скончаю ярость мою на тебѣ, и осужду тя по путемъ твоимъ, и дамъ на тя*

вся мерзости твоя. Не пощадитъ око мое, и не помилую; зане пути твоя на тя дамъ, и мерзости твоя посредъ тебь будутъ, и познаеши, яко азъ Господь біяй (Гл. 7, 6—9).

Время жизни нашей, для избѣжанія сихъ страшныхъ угрозъ, очень кратко, но его достаточно, чтобы обрести милость у Господа. Если Богъ еще дастъ намъ это драгоцѣнное время, то мы должны благоразумно пользоваться онымъ, искуповать опое добрыми дѣлами. Оно единственно для того и дается намъ преблагимъ Творцемъ вѣковъ, чтобы мы не теряли его напрасно, но чтобы мы изработали изъ него вѣчное спасеніе и блаженство. Тотъ же самый голосъ Божественный, который открываетъ намъ страшныя истины объ адскихъ мученіяхъ, возвѣщаетъ намъ и утѣшеніе такое, что никто не будетъ ввержень въ адъ, если самъ того не захочетъ. Возможно всякому человѣку и во всякое время предохранить себя отъ бездны адской, если только мы будемъ трудиться на пути временной жизни дѣятельно, благочестиво и съ упованіемъ на благость Божію. *Вся*, говоритъ премудрый, *елика аще обрящетъ рука твоя сотворити, яко же сила твоя, сотвори: зане нѣсть сотвореніе и помышленіе, и разумъ, и мудрость во адѣ, аможе ты идеши тамо* (Екл. 9, 10). Если бы, хотя нѣсколько мгновеній предоставлено было страждущимъ во адѣ для того, чтобы имъ выйдти изъ адской бездны, то съ какимъ бы жаромъ и ревностію они взялись за самое строгое покаяніе; всѣ моменты посвятили

бы плачу и рыданію о прощеніи ихъ грѣховъ. Мы еще не испытали несчастнаго ихъ жребія,—но не дай Богъ и испытать его. Сдѣласмъ же то, что сдѣлали бы и они, если бы могли; сдѣлаемъ, пока есть время и возможность, все доброе, соединяющее насъ съ Богомъ, тщательно будемъ избѣгать всего злаго, удаляющаго насъ отъ Бога. Милосердіе Божіе еще удерживаетъ мечъ правосудія надъ нашими главами, но мы не знаемъ, надолго ли это будетъ? Одному Богу извѣстенъ предѣлъ, до котораго благоугодно Ему продлить къ намъ свое милостивое снисхожденіе. Онъ желаетъ, чтобы мы употребляли для себя Его долготерпѣніе во благо, а не во зло. Господь самъ вдыхаетъ въ насъ желаніе, Самъ представляетъ намъ и побужденія, и средства къ очищенію нашихъ грѣховъ, посему всячески будемъ опасаться, чтобы намъ не употребить Его долготерпѣнія въ поводъ къ продолженію порочной жизни. Внимательно углубимся мыслями въ то, чему научаетъ насъ самое Божественное милосердіе: *не рцы: щедрота Его многа есть, множество грѣховъ моихъ очиститъ: милость бо и гнѣвъ у Него, и на грѣшницѣхъ почіетъ ярость Его* (Сир. 5, 6, 7). Смиренно повергнемся въ спасительныя объятія всемилостиваго Господа, чтобы не впасть въ мстительныя руки гнѣва Его.

*) „Итакъ, не будемъ безпечны о своемъ спасеніи. Если мы пребудемъ во злѣ и ожесточеніи

---

*) 43 Бес. на Ев. Матѳ.

подобно Фараону и не вразумимся наказаніями, то насъ ожидаетъ не потопленіе въ Чермномъ морѣ, но море огненное, съ которымъ Чермное море ни по величинѣ, ни по качеству сравниться не можетъ,—море несравненно обширнѣйшее и яростнѣйшее, котораго волны всѣ изъ огня и огня необыкновеннаго и ужаснаго. Тамъ зіяетъ великая пропасть, пышущая лютѣйшимъ пламенемъ. Тамъ повсюду увидишь пробѣгающій огонь, подобный какому-то свирѣпому звѣрю. Если же и внѣшній, чувственный, вещественный огонь, выскочивъ, какъ звѣрь, изъ пещи Халдейской, напалъ на тѣхъ, кои сидѣли внѣ оной и стерегли трехъ отроковъ, то чего не сдѣлаетъ адскій огонь съ тѣми, кои впадутъ въ него? Послушай, что говорятъ о днѣ суда Пророки: *се день Господень грядетъ непщадный— ярости и гнѣва* (Ис. 13, 9). Не найдешь тогда ни заступника, ни избавителя; не увидишь тогда кроткаго и тихаго лица Христова. Но какъ сосланные на рудокопные заводы отдаются подъ власть людей немилостивыхъ и не могутъ видѣть никого изъ своихъ домашнихъ, или друзей, а только видятъ своихъ надзирателей, такъ будетъ и тогда, и еще не такъ, а несравненно хуже. Потому что здѣсь еще можно прибѣгнуть къ царю и умолить его, и такимъ образомъ снять съ осужденнаго оковы, а тамъ—это уже невозможно, ибо изъ ада никого не выпускаютъ, и заключенные тамъ вѣчно горятъ въ огнѣ и претерпѣваютъ такое мученіе, котораго описать невозможно. Ежели никакое слово

не можетъ выразить и тѣхъ лютыхъ болѣзней, кои терпятъ люди, сжигаемые здѣсь, то тѣмъ болѣе неизобразимы страданія мучимыхъ тамъ. Поелику здѣсь все страданіе оканчивается въ нѣсколько минутъ, а тамъ палимый грѣшникъ вѣчно горитъ и не сгораетъ. Но другіе думаютъ найти утѣшеніе въ адѣ въ средѣ безчисленнаго множества людей. Напрасно безразсудные обольщаютъ себя подобными мыслями. Возможно-ли почерпнуть для себя какое-либо утѣшеніе изъ того, что онъ (грѣшникъ) будетъ мучиться вмѣстѣ съ діаволомъ и съ легіонами злобныхъ духовъ его? Что уже и говорить о геенѣ? Представь себѣ только одержимыхъ болѣзнію въ ногахъ и укажи имъ въ то время, какъ они терзаются чувствомъ жестокой боли, на тысячу другихъ людей, страждущихъ еще болѣе, чѣмъ они, что они тебѣ скажутъ? Они не захотятъ тебя и слышать, потому что сильная степень боли не дастъ ни малѣйшей свободы размышленію, чтобы можно было подумать о другихъ и найти въ этомъ утѣшеніе. Извлекать себѣ утѣшеніе изъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ ближними, можно развѣ только тогда, когда собственныя страданія довольно сносны, но когда мученіе выходитъ изъ границъ, когда вся внутренность кипитъ и душа уже не можетъ узнавать самой себя, тогда откуда почерпнешь утѣшеніе? Если же и въ сносной печали иногда оно (утѣшеніе) остается вовсе безсильнымъ, то что сказать о той невыразимой болѣзни и тоскѣ, которыя обнаруживаются скрежетомъ зубовъ? Знаю, что

тяжело и непріятно слышать вамъ слова сіи, но что же дѣлать? Когда почти всѣ мы живемъ во грѣхахъ,—то надобно усердно молить Бога, чтобы Онъ породилъ въ насъ истинную печаль и коснулся самаго сердца нашего. Посему умоляю васъ, сокрушимся сердцемъ, слыша слово о геенѣ, ибо ничто не можетъ быть сладостнѣе сей бесѣды потому самому, что нѣтъ ничего горче предмета оной. Но какъ же можетъ быть сладостна бесѣда о геенѣ? Это именно потому, что не сладко низринуться въ геенну, а напоминанія о ней, кажущіяся несносными, предохраняютъ насъ отъ сего бѣдствія и вмѣсто онаго доставляютъ намъ услажденіе, отличное отъ услажденій обыкновенныхъ. Ибо они (напоминанія) пріучаютъ нашъ духъ къ собранности, они дѣлаютъ насъ болѣе благоговѣйными, они возносятъ умъ нашъ горѣ и воскриляютъ наши мысли; они прогоняютъ злое ополченіе похотей, осаждающихъ насъ, и такимъ образомъ врачуютъ нашу душу".

*) Итакъ, чаще будемъ воспомнать объ адскихъ мученіяхъ, дабы избѣгать порока и возлюбить добродѣтель, дабы намъ не посрамиться въ день откровенія дѣлъ. *Всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ*, говоритъ Апост. Павелъ, *да пріиметъ кійждо яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10). Будемъ же имѣть въ умѣ это судилище и предста-

*) 3 Часть Бесѣд. на мѣс. св. Пис., стр. 331.

вимъ, что оно теперь существуетъ, что Судія сидитъ, и все открывается и выставляется на видъ, открывается самая бездна адская, куда грѣшники должны низойти. Неужели мы не смутимся и не вострепещемъ при одномъ только воображеніи сего? Не рѣшаемся ли мы часто лучше умереть, нежели открыть предъ почтенными друзьями наше тайное преступленіе? Какъ же будемъ чувствовать себя тогда, когда грѣхи наши откроются предъ всѣми Ангелами и всѣми людьми и предстанутъ предъ нашими глазами? *Обличу тя*, говоритъ Господь, *и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Пс. 49, 21). Если же тогда, когда еще нѣтъ самаго событія, а только оно предполагается и изображается словами, мы терзаемся совѣстію, то что мы будемъ дѣлать, когда оно наступитъ, когда будетъ присутствовать вся вселенная: и Ангелы, и Архангелы, и Начала, и Власти; когда будутъ непрерывно звучать трубы, когда праведники будутъ подъяты на облакахъ, и будетъ слышенъ великій плачъ грѣшниковъ. Какой тогда обниметъ страхъ оставшихся на землѣ? Ибо сказано: *единъ поемлется, и едина оставляется: единъ поемлется, а другій оставляется* (Матѳ. 24, 40, 41). Въ какомъ состояніи будутъ души ихъ, когда они увидятъ, какъ другіе отводятся съ великою честію, а они оставляются съ великимъ стыдомъ? Невозможно, повѣрьте, невозможно выразить словомъ этого страданія. Видали-ли вы когда-нибудь отводимыхъ на смерть? Въ какомъ, думаете, состояніи

находится душа ихъ, когда они идутъ путемъ до мѣста казни? Чего не рѣшились бы они и сдѣлать, и претерпѣть, чтобы избавиться отъ этой тьмы? Слыхалъ я отъ многихъ, которые послѣ отведенія на казнь были возвращены назадъ по человѣколюбію царскому, что они даже въ людяхъ не узнавали людей отъ душевнаго смущенія и ужаса. Но что я говорю объ отводимыхъ на казнь? Ихъ окружалъ народъ, изъ котораго большая часть и не знала ихъ; но если бы кто взглянулъ тогда въ душу каждаго, то нашелъ бы, что нѣтъ ни одного столь жестокаго, ни одного столь смѣлаго, ни одного столь мужественнаго, который бы не палъ и не смутился въ душѣ отъ страха и уныніа. Если же тогда, какъ другіе предаются смерти, неимѣющіе съ ними никакого общенія бываютъ въ такомъ ужасномъ положеніи, то въ какомъ состояніи будемъ находиться мы, когда сами подвергнемся болѣе тяжкой участи, бывъ лишаемы той неизреченной радости и отсылаемы на вѣчное мученіе? Если бы даже не было геенны, то быть отвергнутымъ отъ такой свѣтлости и отойти съ безчестіемъ—какимъ будетъ наказаніемъ? Ибо, если теперь многіе, видя шествующаго царя, представляя собственную бѣдность, не столько получаютъ удовольствія отъ этого зрѣлища, сколько испытываютъ скорби отъ того, что не участвуютъ ни въ чемъ изъ окружающаго царя и не находится близъ повелителя, то что будетъ тогда? Или, вы думаете, малымъ будетъ наказаніемъ—не быть поставлену на ряду съ дру-

гими въ томъ сонмѣ, не удостоиться неизреченной славы, быть удалену и остаться далеко отъ того торжества и неизглаголанныхъ благъ? Но если, кромѣ того, будутъ и мракъ, и скрежетъ зубовъ, и узы неразрѣшимыя, и червь неусыпающій, и огонь неугасающій, и плачъ, и стенанія, и языки, мучимые жаромъ, какъ у (евангельскаго) богача; когда будемъ вопіять, и никто не услышитъ. будемъ стенать и плакать отъ страданій, и никто не станетъ внимать, будемъ смотрѣть во всѣ стороны, и никто нисколько не утѣшитъ, то какъ судить о находящихся въ такомъ состояніи? Что можетъ быть несчастнѣе этихъ душъ? Что горестнѣе?

Если мы войдя въ темницу и видя однихъ грязными, другихъ связанными желѣзными оковами, третьихъ заключенными во мракѣ,—трогаемся, ужасаемся, и дѣлаемъ все, чтобы самимъ не впасть въ такую же бѣду и скорбь, то, когда мы связанные будемъ отведены въ самыя геенскія мученія,—въ какомъ мы будемъ состояніи? Что будемъ дѣлать? Тѣ узы не изъ желѣза, но изъ огня, никогда неугасающаго, и распорядиться нами будутъ не подобные намъ люди, которыхъ часто можно смягчить, но ангелы страшные и несострадательные, на которыхъ невозможно будетъ и взглянуть, которые будутъ сильно гнѣваться на насъ за дѣла, какими мы оскорбили Господа. Тамъ не такъ какъ здѣсь, невозможно расположить къ себѣ однихъ серебромъ, другихъ яствами, иныхъ льстивыми словами, и получить облегченіе, но ни въ чемъ тамъ нѣтъ про-

щенія. Будетъ ли Ной, или Іовъ, или Даніилъ видѣть ближнихъ своимъ мучимыми,—они не осмѣлятся предстать и подать руку помощи. Ибо тогда случится, что истребится и естественное состраданіе; такъ какъ найдутся праведные отцы дѣтей грѣшныхъ и добрыя дѣти родителей порочныхъ,—ибо зло не отъ природы, а отъ воли, то, дабы радость ихъ была чиста и состраданіе не нарушало блаженства наслаждающихся тѣми благами,—и оно (состраданіе) тогда можетъ угаснуть, такъ что и они вмѣстѣ съ Господомъ будутъ негодовать на своихъ единокровныхъ (грѣшниковъ). Ибо, если и теперь нѣкоторые, видя своихъ дѣтей негодными, удаляютъ ихъ отъ себя и отказываются отъ родства съ ними, то тѣмъ больше будетъ это на томъ судѣ. Итакъ, пусть никто не надѣется на что-нибудь хорошее, не сдѣлавъ хорошаго (въ жизни сей), хотя бы онъ имѣлъ множество праведныхъ предковъ. Ибо *кійждо*, говоритъ Апостолъ, *пріиметъ яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10).

Итакъ, будемъ внимать и вразумляться. Если ты будешь имѣть огонь порочнаго пожеланія, представь огонь тамошняго мученія, и твой огонь погаснетъ. Если ты захочешь сказать что-нибудь непристойное, представь скрежетъ зубовъ и страхъ послужитъ тебѣ уздою. Если пожелаешь похитить что-нибудь чужое, припомни слова Судіи: *свяжите ему руцѣ и нозѣ, вверзите его во тму кромѣшнюю* (Матѳ. 22, 13), и ты оставишь свое намѣреніе.

Если ты жестокъ и немилостивъ, вспомни тѣхъ дѣвъ, у которыхъ погасли свѣтильники отъ недостатка елея, отъ чего онѣ и лишились брачнаго чертога, — и ты скоро будешь человѣколюбивымъ. Если у тебя будетъ желаніе упиваться и роскошествовать, послушай богача, который говорилъ: *пошли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ, и устудитъ языкъ мой,* и не получилъ желаемаго (Лук. 16, 24), и тотчасъ ты оставишь свою страсть и всѣ другія страсти ты можешь укротить такимъ образомъ".

„Какой страхъ и ужасъ обыметъ всю вселенную, особенно грѣшниковъ, имѣющихъ дать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ! Тогда отверзется небо и сойдетъ Единородный Сынъ Божій въ сопровожденіи не тысячи, а тьмы Ангеловъ и Архангеловъ, и все будетъ исполнено страха и трепета: земля разверзется, и всѣ люди, когда-либо существовавшіе, отъ Адама до настоящаго времени, возстанутъ изъ земли и будутъ восхищены (праведники на облацѣхъ), а Онъ Самъ будетъ блистать такою славою, что солнце и луна скроютъ весь свѣтъ свой, который помрачится Его сіяніемъ".

*) Если бъ возможно было, говоритъ одинъ изъ старцевъ-подвижниковъ Египетскихъ, предъ пришествіемъ Господа, послѣ всеобщаго воскресенія, — уничтожиться отъ страха душамъ человѣческимъ, то весь міръ вымеръ бы, по причинѣ ужаса и тре-

*) Изъ Отечника, составленнаго Еп. Игнатіемъ, стр. 463.

пета. И справедливо: каково увидѣть небеса разверзающимися, являющаго Бога прогнѣваннаго и негодующаго, безчисленное воинство Ангеловъ и весь родъ человѣческій, собранный воедино.

Весьма сильными и поразительными чертами св. Кириллъ Александрійскій изображаетъ исходъ души изъ бренной храмины тѣла, и страшный судъ Божій, на которомъ она должна явиться. — Такъ начинаетъ св. Кириллъ о семъ слово *). Боюсь смерти, потому что она горька; трепещу геенны, потому что она безконечна; ужасаюсь тартара, ибо нѣтъ въ немъ никакой теплоты. Боюсь тьмы, ибо нѣтъ въ ней никакого свѣта. Трепещу червя ядовитаго, которому не будетъ конца. Ужасаюсь грозныхъ ангеловъ, которые предстануть на судѣ. Ужасъ объемлетъ меня, когда размышляю о днѣ страшнаго и нелицепріятнаго суда, о престолѣ грозномъ, о Судіи праведномъ. Страшусь огненной рѣки, которая течетъ предъ престоломъ и кипитъ ужасающимъ пламенемъ изощренныхъ мечей. Боюсь непрестанныхъ мученій. Боюсь казней, неимѣющихъ конца. Боюсь мрака, боюсь тьмы кромѣшной. Боюсь узъ, которыя никогда не разрѣшатся,—скрежетанія зубовъ, плача безутѣшнаго, неизбѣжныхъ обличеній.

Православный Судія не потребуетъ ни доносителей, ни свидѣтелей; Ему не нужны будутъ ни

---

*) Это слово св. Кирилла Александрійскаго о исходѣ души заимствовано изъ слѣдованной Псалтири.

постороннія показанія, ни обличенія; но все, что мы ни сдѣлали, о чемъ ни говорили, о чемъ ни думали, все обнаружится предъ очами самихъ грѣшниковъ. Тогда никто не будетъ ходатайствовать за насъ; никто не освободитъ отъ мученій: — ни отецъ, ни мать, ни сынъ, ни дочь, ни другой кто-либо изъ родныхъ, ни сосѣдъ, ни другъ, ни благодѣтель, ни раздача имѣній, ни множество богатства, ни гордость могущества, — все это, какъ прахъ, въ прахъ и обратится. И подсудимый одинъ будетъ ожидать приговора, который, смотря по дѣламъ, или освободитъ его отъ наказанія, или осудитъ на вѣчныя мученія.

О, горе мнѣ, горе мнѣ! Совѣсть будетъ обличать меня, Писанія будутъ свидѣтельствовать противъ меня и уличать меня. О, душа, исполненная сквернами, пропитанная гнусными дѣлами твоими! Увы мнѣ! я растлилъ храмъ тѣлесный и (тѣмъ) опечалилъ Духа Святаго. О, Боже! истинны дѣла Твои, правы пути Твои, и неизслѣдованы судьбы Твои! Ради временнаго грѣховнаго наслажденія вѣчно мучусь, ради плотской сладости предаюсь огню. Но въ какомъ страхѣ, трепетѣ и трудѣ будетъ находиться душа, когда разлучается съ тѣломъ? Тогда съ одной стороны окружаютъ насъ воинства и силы небесныя, съ другой—начальники тьмы, силы враждебныя, содержащія въ своей власти лукавый міръ, начальники мытарствъ, воздушные истязатели и надзиратели за нашими дѣлами, съ ними и исконный человѣкоубійца діаволъ, сильный въ злобѣ

своей, котораго языкъ, по слову Пророка, какъ острая бритва (Псал. 51, 4): *стрѣлы сильнаго изощрены со углѣмы пустынными* (Псал. 119, 4), и который *приседитъ яко левъ во оградѣ* (Псал. 9, 29—30), великій змѣй отступникъ, адъ, разверзающій уста свои, князь темной власти, имѣющій державу смерти, который особеннымъ нѣкіимъ образомъ истязуетъ душу, представляя и исчисляя всѣ грѣхи и беззаконія, содѣланныя нами дѣломъ, словомъ, въ вѣдѣніи, и невѣдѣніи, отъ юности даже до дня кончины, когда душа вземлется на судъ Божій.

Воображаешь ли душа моя, какой страхъ и ужасъ обыметъ тебя въ тотъ день, когда увидишь страшныхъ, дикихъ, жестокихъ, немилостивыхъ и безстыдныхъ демоновъ, которые будутъ предстоять предъ тобою, какъ мрачные мурины? Одно видѣніе ихъ ужаснѣе всякихъ мукъ. Смотря на нихъ, душа смущается, приходитъ въ волненіе, мятется, старается укрыться, чтобы не видѣть ихъ, прибѣгая къ ангеламъ Божіимъ.

Душа, поддерживаемая Ангелами, проходя воздушныя мытарства, на пути своемъ встрѣчаетъ мытарства,—какъ бы отдѣльныя группы духовъ, которыя слѣдятъ за восхожденіемъ душъ, задерживаютъ ихъ и препятствуютъ ихъ восходу. Каждое мытарство представляетъ душѣ особенные грѣхи.

Видя все это и еще большее и гораздо худшее, душа ужасается, трепещетъ и мятется, доколѣ не произнесенъ будетъ надъ нею приговоръ освобожденія или осужденія. Сколь тяжелъ, бо-

лѣзненъ, плачевенъ и безутѣшенъ этотъ часъ ожиданія, доколѣ не узнаетъ душа, чѣмъ рѣшится участь ея? Небесныя силы стоятъ противъ нечистыхъ духовъ и приносятъ добрыя дѣянія души—(выраженныя) дѣлами, словами, помышленіями, намѣреніями и мыслями; между добрыми и злыми ангелами стоитъ душа въ страхѣ и трепетѣ, пока отъ дѣяній—словъ и дѣлъ своихъ—или подвергнется осужденію и будетъ связана, или, оправданная, освободится; ибо каждый свяжется узами собственныхъ своихъ грѣховъ. И если душа окажется во благочестивой жизни достойною и Богоугодною въ семъ вѣкѣ, то принимаютъ ее Ангелы Божіи, и уже безъ печали совершаетъ она свое шествіе, имѣя спутниками святыя силы, и исполняется на ней Писаніе: *отбѣже болѣзнь, и печаль, и воздыханіе* (Ис. 35, 10). Душа, освободившись отъ лукавыхъ, злыхъ и страшныхъ духовъ, идетъ въ эту неизглаголанную радость. Если же какая душа окажется жившею въ небреженіи и распутствѣ—услышитъ ужасный оный гласъ: *да возмется нечестивый, да не узритъ славы Господни* (Исаіи 26, 10). Тогда наступятъ для нея дни гнѣва, скорби, нужды и тѣсноты,—дни тьмы и мрака. Святые Ангелы оставляютъ ее и пріемлютъ въ свою власть мрачные демоны, которые мучатъ ее немилосердно и потомъ ввергаютъ ее связанную неразрѣшимыми узами въ землю темную и мрачную, въ дальнѣйшія ея части, въ преисподнія узилища, въ темницы ада, гдѣ заключены души отъ вѣка умершихъ грѣшниковъ,—*въ землю темну и мрачну,*

въ землю тьмы вѣчныя; идѣже нѣсть свѣтъ, ниже жизнь человѣковъ, какъ говоритъ Іовъ (Іов. 10, 21—22), но вѣчная болѣзнь, безконечная печаль, непрестанный плачъ, неумолкаемый скрежетъ зубовъ и непрестающія воздыханія. Тамъ—горе,—горе всегдашнее. Увы мнѣ, увы мнѣ! тамъ восклицаютъ,—и нѣтъ помощника,—вопіютъ, и никто не избавляетъ. Невозможно пересказать той крайней нужды; невозможно выразить языкомъ болѣзни и страданія тамъ находящихся и заключенныхъ душъ. Никто изъ людей не можетъ изобразить страха и ужаса, никакія уста человѣческія не въ состояніи высказать ихъ тѣсноты и плача. Стенаютъ они всегда и непрестанно,—и нѣтъ милующаго, зовутъ изъ глубины,—и никто не слышитъ; рыдаютъ и никто не утѣшаетъ, никто не идетъ на помощь. Взываютъ и крушатся,—но никто не оказываетъ милости и состраданія.

Итакъ, для вразумленія себя будемъ чаще представлять себѣ безконечную муку и то, какой они (грѣшники) будутъ испытывать стыдъ предъ праведнымъ Судіею, когда, приведенные на страшное судилище, не будутъ въ состояніи сказать ни одного слова въ свое оправданіе? Какому подвергнутся сраму, когда будутъ поставлены на лѣвую сторону царя? Какой мракъ покроетъ ихъ тогда, когда *Господь возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ и яростію своею смятетъ ихъ* (Псал. 2, 5),—когда скажетъ къ нимъ: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его*

(Мато. 25, 41). Какая скорбь и болѣзнь, какая тѣснота, какой страхъ и трепетъ обниметъ духъ ихъ, когда услышатъ грозный гласъ всѣхъ небесныхъ силъ: *да возвратятся грѣшницы во адъ* (Псал. 9, 78)! Какой поднимутъ плачъ, вопль и рыданіе ведомые на горькія вѣчныя муки! Какъ будутъ стенать, биться и терзаться! Каково то мѣсто, гдѣ плачевопльствіе непрерывное, скрежетъ зубовъ, такъ называемый тартаръ, котораго и самъ діаволъ трепещетъ! Какова та геенна, съ неугасаемымъ огнемъ, который горитъ и не освѣщаетъ! Каковъ тотъ неусыпающій и ядовитый червь! Каковы тѣ немилостивые и жестокосердые ангелы, которые приставлены находиться при мукахъ, ибо они жестоко издѣваются надъ грѣшниками и люто бьютъ ихъ! Мучимые усильно тамъ взываютъ и нѣтъ защитника, воззовутъ ко Господу—и не услышитъ ихъ. Тогда уразумѣютъ, что все земное, житейское—пустота, и то, что грѣшники считали здѣсь благомъ, опротивѣетъ; чѣмъ они услаждались, то окажется горче желчи и всякаго яда.

Горе грѣшникамъ! Вотъ праведники стоятъ одесную Господа, а они скорбятъ. Теперь, когда грѣшники плачутъ и рыдаютъ, праведники ликовствуютъ; праведники въ прохладѣ, грѣшники въ зимѣ и бѣдствіи. Увы грѣшникамъ! Праведники наслаждаются всякими благами, а грѣшники бѣдствуютъ во всякомъ лишеніи. Праведники во святынѣ, грѣшники въ огнепаленіи. Праведники восхваляются, а грѣшники въ поруганіи. Праведники во святыхъ обите-

телях, грѣшники въ вѣчномъ изгнаніи. Праведники услышатъ гласъ: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра;* грѣшники же: *идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его.* Праведники въ раю, грѣшники въ неугасимомъ огнѣ. Праведники (возглашаютъ) трисвятую пѣснь, грѣшники (оплакиваютъ) свое треокаянство. Праведники въ нѣдрахъ Авраамовыхъ, а грѣшники въ кипучихъ волнахъ веліара. Праведники орошаются, грѣшники опаляются пламенемъ. Праведники веселятся. грѣшники изсыхаютъ въ горькой печали. Праведники возвышаются, грѣшники глубже и глубже низлагаются. Праведники наслаждаются созерцаніемъ Бога, грѣшниковъ сокрушаетъ пламень огненный. Праведники—сосуды избранія, грѣшники сосуды геенны. Праведники—очищенное золото, испробованное серебро, драгоцѣнные камни; грѣшники—дрова, стебли, сѣно, пища для огня. Праведники—царская пшеница, грѣшники — погибельные плевелы. Праведники — Божественная соль, грѣшники — смрадъ и зловоніе. Праведники—чистые храмы Божіи, грѣшники—скверныя жилища демоновъ. Праведники въ свѣтломъ чертогѣ, грѣшники въ бездонной пропасти. Праведники въ свѣтосіяніи, въ лучезарномъ свѣтѣ, грѣшники въ бурномъ мракѣ. Праведники ликуютъ съ Ангелами, грѣшники рыдаютъ съ демонами. Праведники утѣшаются Святымъ Духомъ (Параклитомъ), грѣшники раздираются въ мукахъ съ демонами. Праведники предстоятъ престолу Владыки (Христа),

грѣшники стоятъ предъ непроходимымъ мракомъ. Праведники всегда открыто взираютъ на лице Христово, грѣшники безсмѣнно стоятъ предъ лицемъ діавола. Праведники возносятъ молитвы, грѣшники непрестанный плачъ. Праведники находятся въ горнихъ селеніяхъ, на небеси, въ вѣчной жизни; грѣшники пресмыкаются долу, въ безднѣ, въ погибели смертной. Праведники въ рукѣ Божіей, съ Богомъ, грѣшники съ сатаною.

Горе грѣшникамъ! потому что дѣла ихъ обнаруживаются и помышленія сердечныя объявляются, хитрыя сплетенія ихъ лукавыхъ помысловъ распутываются и истязуются, и мысль взвѣшивается. Увы! какое тогда раскаяніе,—какая тогдашняя нужда, какая тогдашняя буря! Ужасно разлучаться отъ святыхъ, еще ужаснѣе разлучаться отъ Бога. Безчестно быть связаннымъ по рукамъ и по ногамъ и быть ввереннымъ въ огнь. Болѣзненно, горестно быть отосланнымъ во внѣшнюю мрачную тьму, чтобы скрежетать зубами и истаявать, тяжко, непрестанно мучиться. Ужасно, когда запекается языкъ отъ пламени; безотрадно просить капли воды и не получать. Горько быть въ огнѣ, вопить и не получать помощи. Непроходима дебрь и неизмѣрима пропасть. Заключенникъ не убѣжитъ оттуда; не будетъ выхода держимому: непроходима темничная стѣна, жестоки стражи, темница мрачна, узы неразрѣшимы, оковы неснимаемы. Слуги того адскаго пламени дики и свирѣпы; ужасны и мучительны орудія; жаръ невыносимый; червь смраденъ и зло-

воненъ. Судилище закрыто для прощенія и милости. Тамъ лица сильныхъ посрамлены, властители сдѣлаются убогими, цари—нищими, мудрецы будутъ невѣждами, сладкорѣчивые ораторы—нѣмыми и непріятными, богатые—бѣдными и безумными".

Всѣ сіи понятія о вѣчныхъ мученіяхъ ада и другія наименованія, взимаемыя изъ слова Божія и изъ видимой природы, недостаточны къ выраженію сущности дѣла, т. е. не могутъ вполнѣ объяснить того злополучнаго состоянія грѣшниковъ, которое постигнетъ ихъ въ дѣйствительности,—въ вѣчныхъ адскихъ безднахъ. Ибо, какъ невозможно никакимъ словомъ человѣческимъ изобразить блаженнаго состоянія праведниковъ въ будущей жизни, потому что ни око не видало, ни ухо не слыхало, и на сердце человѣку не приходило то, что Богъ приготовилъ любящимъ Его, такъ равно нельзя описать того невыразимо-бѣдственнаго положенія, которое ожидаетъ нераскаянныхъ грѣшниковъ во адѣ, ибо никакое око не видало, ни ухо не слыхало и на сердце никому не приходило о тѣхъ неизглаголанныхъ мукахъ, какимъ подвергнетъ правосудный Богъ діавола съ клевретами его и всѣхъ во злѣ ожесточенныхъ грѣшниковъ.

*) „Многіе изъ людей, преданныхъ плоти и живущихъ только въ настоящемъ (животною жизнію), думаютъ, что послѣ сей жизни не будетъ ничего,

---

*) Слово св. Златоуста въ недѣлю мясопустную. Изъ собранія поученій на дни воскресные и праздничные, стр. 176.

и, ссылаясь на милосердіе Божіе, не допускаютъ ни наказанія, ни мученія. Но если Богъ милосердъ, что и дѣйствительно такъ,—то, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и правосуденъ. А если правосуденъ, то развѣ несправедливо было бы Ему наказать того, кто отъ начала пріялъ безчисленныя блага, а потомъ сдѣлалъ достойное наказанія и не исправился ни угрозою, ни благодѣяніями? Если судить по правдѣ, то насъ, по правосудію, надлежало бы наказать еще въ самомъ началѣ, тотчасъ же; только человѣколюбію Божію мы обязаны тѣмъ, что не подверглись сему. Ибо кто оскорбитъ невиннаго, то по правдѣ, разумѣется, подвергается наказанію; но кто оскорбитъ своего благодѣтеля, ничѣмъ отъ него не пользовавшагося, а для него сдѣлавшаго весьма многое, оскорбитъ единственнаго Виновника своего бытія, и не только оскорбитъ, но еще каждый день будетъ огорчать Его своими дѣлами, какого снисхожденія достоинъ такой человѣкъ? Скажи мнѣ, какъ ты не боишься говорить столь безразсудно, когда произносишь сіи слова: Богъ милостивъ и не наказываетъ, а если бы и наказывалъ, то уже не былъ бы милостивымъ? Скажи мнѣ, почему ты не признаешь себя достойнымъ наказанія, когда грѣшишь? Не все ли Богъ сказалъ тебѣ напередъ? Не угрожалъ ли? Не помогалъ ли? Не дѣлалъ ли для спасенія твоего безчисленныхъ опытовъ? Если злые не наказываются, то и добрые, поэтому, не будутъ увѣнчаны,—и гдѣ же тогда будутъ милость и правда Божія? Не обманывайте же самихъ себя:

къ сему подстрекаетъ діаволъ, ибо только ему свойственны такія мысли. Если судіи, господа и учители добрыхъ отличаютъ честію, а злыхъ наказываютъ, то какъ бы у Бога это могло быть иначе: и злые и добрые удостоивались бы одного и того же, и какъ бы при этомъ злые исправились отъ своей злобы? Если, зная объ ожидающемъ ихъ наказаніи, они не отстаютъ отъ своихъ пороковъ, то, устранивъ сей страхъ и будучи увѣрены, что не только не впадутъ въ геенну, но еще получатъ царство,—остановились ли бы они на пути преступленія?

Нѣкоторые, любящіе грѣшить, говорятъ: „Богъ угрожалъ геенной только для устрашенія людей; быть не можетъ, чтобы Онъ, будучи милостивъ, наказалъ кого-нибудь, а особенно того, кто не зналъ Его. Но скажите мнѣ вы, которые дѣлаете Бога лжецомъ: кто наводнилъ всю землю во времена Ноя и потопилъ весь родъ человѣческій? Кто послалъ на землю Содомскую молнію и пламенные вихри? Кто истребилъ шестьсотъ тысячъ людей въ пустынѣ? Кто сжегъ сонмище Авирона? Кто повелѣлъ землѣ отверзть уста и пожрать Корея и Даѳана? Кто въ одно мгновеніе ока поразилъ семьдесятъ тысячъ при Давидѣ? Кто въ одну ночь умертвилъ сто восемьдесятъ пять тысячъ, какъ говорится у пророка Исаіи? Не видишь ли, сколько несчастій переносимъ ежедневно мы сами грѣшащіе? И какая была бы причина однихъ наказывать, другихъ — нѣтъ? Если Богъ правосуденъ, каковъ Онъ

на самомъ дѣлѣ, то, конечно, и ты дашь отчетъ, будучи грѣшникомъ. Ибо, если бы Богъ былъ только милостивъ и не наказывалъ никого, то и они не были бы наказаны. Ради сихъ-то вашихъ словъ Богъ многихъ наказываетъ еще и здѣсь, дабы вы повѣрили дѣламъ наказанія, когда не вѣрите словамъ угрозы. Не будемъ же отвергать геенны, дабы не попасть въ нее, но будемъ вѣрить ей несомнѣнно, будемъ разсуждать о ней и не скоро согрѣшимъ. Ибо память о ней, какъ нѣкое горькое лѣкарство, находясь постоянно въ душѣ, можетъ изгнать оттуда всякій порокъ. Разсуди, если бы и не было огня (геенскаго), то какое ужасное наказаніе — быть отверженнымъ отъ Бога и отойти въ безславіи? Вѣрьте, это зло не можетъ быть изъяснимо словами. Ибо, если тѣ, кои не видятъ свѣта, проводятъ жизнь, горчайшую всякой смерти, то что придется пострадать намъ, лишеннымъ онаго свѣта? Для чего и жить, и дышать, и существовать, если не имѣть онаго видѣнія, если никто и ничто не позволитъ намъ видѣть нашего Господа? Если здѣсь кто-нибудь изъ людей благородно-воспитанныхъ, бывъ ввергнутъ въ темницу, почитаетъ для себя хуже всякой смерти — дышать зловоннымъ воздухомъ, лежать во тьмѣ и быть связаннымъ съ убійцами, то подумай, что будетъ, когда мы будемъ горѣть тамъ съ убійцами всей вселенной, не видя ничего и не будучи видимы никѣмъ, но въ такомъ множествѣ почитая себя одними? Ибо тьма и мракъ не позволятъ намъ раз-

личать находящихся вблизи насъ, но каждый будетъ думать, что онъ терпитъ это одинъ, потому что, хотя и говорится объ огнѣ (геенскомъ), но сей огонь будетъ теменъ и лишенъ всякаго свѣта. И это-то по преимуществу насъ и страшитъ и смущаетъ, что онъ горя не угасаетъ, а между тѣмъ свѣта не имѣетъ".

*) „Будетъ ли конецъ огню геенскому и вообще всѣмъ адскимъ мученіямъ? Вотъ весьма важный вопросъ, рѣшенія коего всѣ ищутъ. На это отвѣчаетъ св. Златоустъ. Что огню геенскому не будетъ конца, это и Христосъ возвѣстилъ, говоря: *огонь ихъ не угаснетъ, и червь ихъ не скончается* и еще: *идутъ сіи въ муку вѣчную*. И Апост. Павелъ говоритъ, что *сотрѣшающіе казнь пріимутъ, погибель вѣчную*. И не говори мнѣ, какъ соблюдется законъ правды, если мученіе не будетъ имѣть конца? Когда Богъ дѣлаетъ что-либо, повинуйся Его опредѣленіямъ, а не подвергай ихъ умствованіямъ человѣческимъ. Впрочемъ, почему бы это было несправедливо, чтобы тотъ, кто сначала получилъ безчисленныя блага, потомъ сдѣлалъ преступленія, достойныя наказанія, и послѣ не исправился ни отъ угрозъ, ни отъ благодѣяній, — почему несправедливо, чтобы такой человѣкъ подвергся наказанію? Если ты ищешь правды, то по закону правды намъ давно, съ самаго начала, надлежало бы тот-

*) Св. Златоуст. слово въ недѣлю 22-ю по пятдесятницѣ. Изъ Воскресныхъ поученій. Стр. 339.

часъ погибнуть. Да и въ такомъ случаѣ было бы поступлено съ нами не по одному закону правды; если бы и это послѣдовало съ нами, — все было бы еще закономъ человѣколюбія. Когда кто оскорбляетъ того, кто ничѣмъ не оскорбилъ его, тотъ получаетъ наказаніе по закону правды. А когда кто оскорбляетъ такого Благодѣтеля, который прежде не получилъ отъ него ни малѣйшаго благодѣянія, а самъ между тѣмъ ущедрялъ его безчисленными благами; когда кто оскорбляетъ единственнаго Виновника своего бытія, — оскорбляетъ Бога, вдохнувшаго душу, осыпавшаго его неизчетными дарами и благоволившаго возвести на небо; если, говорю, кто Ему, послѣ толикихъ благодѣяній, не только причиняетъ какое-либо оскорбленіе, но и каждый день оскорбляетъ Его своими дѣлами, то какого онъ будетъ достоинъ прощенія? Не видишь ли, какъ Богъ наказалъ Адама за одинъ грѣхъ? Скажешь: Онъ даровалъ ему рай и удостоилъ пользоваться всякимъ благоволеніемъ, но грѣшить тому, кто наслаждается счастіемъ, и тому, кто живетъ въ великомъ несчастіи,—не одно и тоже. То-то и странно и прискорбно, что ты грѣшишь не въ раю, а въ безчисленныхъ бѣдствіяхъ настоящей жизни, и не дѣлаешься благоразумнѣйшимъ даже отъ бѣдствія своего, это все равно, какъ если бы кто дѣлалъ зло въ цѣпяхъ. Но тебѣ Богъ обѣщалъ еще болѣе, нежели рай, Онъ еще и не далъ тебѣ того, дабы не изнѣжить тебя во время подвиговъ, но и не умолчалъ о томъ, дабы не обез-

силить тебя въ трудахъ. Притомъ Адамъ, сдѣлавъ одинъ грѣхъ, навлекъ на себя всю смерть, а мы каждый день дѣлаемъ безчисленныя преступленія.— Если же онъ, сдѣлавъ одинъ грѣхъ, навлекъ на себя толикое бѣдствіе, — навлекъ смерть, то мы ли, непрестанно живя во грѣхахъ, не понесемъ наказанія,—мы, ожидающіе неба вмѣсто рая! Разсуди, сколько времени родъ за одинъ грѣхъ остается подъ владычествомъ смерти? Прошло болѣе семи тысячъ лѣтъ, а смерть еще не прекратилась за одинъ грѣхъ. При томъ мы не можемъ сказать, что Адамъ слышалъ пророковъ, что онъ видѣлъ другихъ наказываемыхъ за грѣхъ, и что ему легко было посему устрашиться и вразумиться примѣромъ— тогда онъ былъ первый и одинъ, однако, наказанъ. А ты не можешь представить сего въ свое извиненіе,—ты, который сдѣлался худшимъ послѣ столь многихъ примѣровъ, удостоился столь обильныхъ даровъ Духа Святаго, а между тѣмъ совершаешь не одинъ, не два и не три, накопляешь тысячи грѣховъ.

Несмотря на то, что грѣхъ совершается въ краткую минуту, не думай посему, что мученіе будетъ мгновенно. Не видишь ли, что люди за одно воровство и за одно убійство, совершенное ими въ одну минуту, часто оканчиваютъ всю жизнь свою въ темницахъ и въ копаніи рудъ, борясь съ непрестаннымъ гладомъ и съ безчисленными смертями? Ихъ никто не избавляетъ отъ сего и не говоритъ, что грѣхъ совершенъ ими въ краткую ми-

нуту времени, а потому и наказанія должны быть соразмѣрны времени.

Но такъ поступаютъ, скажешь, люди, а Богъ человѣколюбивъ. Во-первыхъ, и люди такъ поступаютъ не по жестокости, а по человѣколюбію, да и Богъ, какъ человѣколюбивъ и милостивъ, такъ вмѣстѣ и праведенъ, и наказываетъ беззаконія, и по величію милости Его бываетъ велико и наказаніе Его. И когда ты говоришь, что Богъ человѣколюбивъ, то тѣмъ больше заслуживаешь наказаніе за то, что согрѣшаешь противъ такого Бога. Потому и Ап. Павелъ говоритъ: *страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. 10, 31). Кто изъ людей можетъ наказывать такъ, какъ наказывалъ Богъ, когда произвелъ наводненіе и совершенное потребленіе толикаго рода, а немного послѣ ниспослалъ огнь съ неба и истребилъ всѣхъ жителей нѣсколькихъ городовъ? Какое человѣческое наказаніе можетъ быть равнымъ сему? Не видишь ли, что и сіе наказаніе почти безконечно? Протекло четыре тысячи лѣтъ,—а наказаніе Содомлянъ доселѣ не прекращается и живетъ. Ибо, сколь велико человѣколюбіе Божіе, столь же велико и его наказаніе. Притомъ, если бы Богъ повелѣвалъ дѣлать что-либо тяжелое и невозможное, то кто-нибудь могъ бы представить въ извиненіе трудность законовъ, а если повелѣваетъ дѣлать весьма легкое,—то что можетъ сказать, когда и объ этомъ не заботимся? Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, когда не исполняемъ столь легкаго и удоб-

наго? Намъ ничего нельзя сказать въ свое оправданіе. Итакъ, изъ сказаннаго ясно, что муки будутъ вѣчны".

Мудрствующіе по стихіямъ міра, а не по Христѣ, и совопросники вѣка сего часто предлагаютъ такіе вопросы: лучше бы было и цѣлесообразнѣе съ благостію Божіею и предназначеніемъ человѣка къ вѣчному блаженству, а не къ мученію, — простить всѣхъ грѣшниковъ и даровать имъ блаженную жизнь въ небесныхъ обителяхъ вмѣстѣ съ праведниками. Да, это было бы лучше по сужденію міролюбцевъ. Но вотъ вопросъ для таковыхъ мыслителей совершенно неразрѣшимый: можетъ ли и способенъ ли грѣшникъ въ будущей жизни наслаждаться чистою, святою, райскою жизнію? Нѣтъ. Какъ добрыя дѣла, такъ и худыя, по слову Божію, идутъ въ слѣдъ человѣка (Апок. 14, 13). Слѣдовательно, грѣшникъ, перемѣщенный въ небесныя обители, но не искоренившій въ земной жизни худыхъ привычекъ и наклонностей, порочныхъ стремленій и страстей и, вообще, грѣховныхъ дѣлъ,— перемѣстился бы туда—въ страну блаженства, съ своими злыми навыками, страстями и грѣхами. Въ таковомъ состояніи грѣшникъ, введенный въ блаженную жизнь праведниковъ, что будетъ тамъ дѣлать? Вы, желающіе помѣстить всѣхъ грѣшниковъ въ раю, думаете, что и грѣшникъ будетъ также наслаждаться безмятежною, мирною, тихою, райскою жизнію? Нѣтъ. Для грѣшника, не очистившагося искреннимъ раскаяніемъ во грѣхахъ, самая

свѣтлая страна покоя и блаженства покажется мрачною и темною, тихое пристанище небожителей представится бурнымъ и неудобовмѣстимымъ, да и самое небо для грѣшника будетъ не лучше ада. Почему? Потому что всѣ сіи награды: миръ, радость, покой, довольство и безмятежіе—суть дары Св. Духа и ниспосылаются тѣмъ людямъ, которые во время земнаго странствованія очистили свое сердце отъ грѣховной заразы искреннимъ покаяніемъ и содѣлались Храмомъ Св. Духа и вмѣстилищемъ благодатныхъ даровъ. Такіе дѣлатели евангельскихъ заповѣдей, если бы почему-либо низошли во адъ, то и тамъ нашли бы блаженство въ глубинѣ своей души, которая была въ настоящей жизни обителію Св. Троицы, да и самыя адскія мученія не могутъ къ нимъ прикоснуться. Ибо самъ Богъ обитаетъ въ нихъ и съ ними, а гдѣ Богъ, тамъ радость и миръ, и блаженство. Съ Богомъ вездѣ хорошо, а безъ Бога и на небѣ человѣкъ не ощутитъ ни радости, ни блаженства. Но для людей, коихъ вся жизнь была игралищемъ страстей и пороковъ, которые никогда не думали о своемъ спасеніи, о загробной жизни и о будущемъ воздаяніи,—даже не вѣрили и съ упорствомъ отвергали все нравственное и божественное и только глумились и издѣвались надъ нимъ, можетъ ли быть какое-либо сочувствіе къ благамъ духовнымъ: можетъ ли быть какое соотношеніе, сродство и согласіе съ людьми, заслужившими вѣчно-блаженную жизнь подвигами благочестія и плодами искренняго

раскаянія во грѣхахъ? Кое общеніе свѣту ко тмѣ; кое согласіе Христово съ веліаромъ, или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ (2 Кор. 6, 14, 15). У праведника съ грѣшникомъ не можетъ быть никакого сродства, ни согласія, ни единенія. потому что между ними утвердися пропасть велика (Лук. 16. 26). Безъ сомнѣнія, и въ буквальномъ смыслѣ мѣсто мученія грѣшниковъ отдѣлено пространно отъ мѣста блаженства праведниковъ, но здѣсь разумѣется и нравственная пропасть, — нравственное состояніе тѣхъ и другихъ, по коему утвердившіеся во злѣ не могутъ сдѣлаться праведниками и наоборотъ: утвердившіеся въ добрѣ не могутъ сдѣлаться грѣшниками. Симъ не отрицается ученіе Церкви, по коему умершіе въ покаяніи, но не усовершившіеся въ добрѣ, по молитвамъ Церкви, могутъ переходить изъ состоянія мученій въ состояніе блаженства. Грѣшники и праведники берутся здѣсь въ смыслѣ безусловномъ.

Какъ въ земной жизни у благочестиваго и нечестиваго были и мысли, и желанія, и дѣла совершенно разногласны и противоположны, такъ въ будущей жизни эта область мыслей, желаній и дѣлъ, усвоившаяся и утвердившаяся перейдетъ съ ними туда же—въ загробную жизнь и будетъ развиваться въ безконечную вѣчность.

Грѣшникъ среди самыхъ неизглаголанныхъ райскихъ благъ и наслажденій не можетъ, да и не способенъ ощущать наслажденія и потому, что въ глубинѣ души его положены и укрѣплены грѣхо-

любивою жизнію залоги и начатки адскихъ мученій. Въ настоящей жизни эти задатки и предвкушенія будущихъ мученій не слишкомъ ощутительны, будучи подавляемы разнообразными предметами разсѣянности, разнузданности, своеволія и порывами страстей, не давая грѣшнику предощущать всей тяжести и горечи своего положенія. Но когда эта мрачная завѣса, закрывающая теперь отъ грѣшника все безобразіе и гнусность грѣха, — вдругъ приподнимется и откроется предъ очами его вся мерзость грѣховныхъ дѣлъ, — что тогда почувствуетъ грѣшникъ въ сердцѣ своемъ? Среди самаго блаженства и вѣчнаго покоя праведныхъ, грѣшникъ не найдетъ для себя ни блаженства, ни покоя, ни отрады, — потому что пробужденная совѣсть отъ грѣховнаго усыпленія начнетъ язвить его сильнѣе и мучительнѣе всякаго ядовитаго червя, — гремѣть и поражать его страшнѣе всякаго грома.

Слово Божіе ясно свидѣтельствуетъ, что нравственное зло можетъ обращаться въ добро только на землѣ, чрезъ искреннее и дѣятельное покаяніе, котораго за гробомъ уже и быть не можетъ.

Земная жизнь есть приготовленіе къ жизни вѣчной, или блаженной въ раю, или мучительной въ гееннѣ. Итакъ, усвоенное душею на землѣ добро или зло, обратившіяся въ природу, обратившіяся въ постоянный навыкъ, не могутъ уже въ будущей загробной жизни измѣниться—добро во зло и зло въ добро, но то и другое пойдетъ своимъ путемъ, развиваясь на безпредѣльную вѣчность. И

царствіе небесное, и геенна ищутся и обрѣтаются на землѣ добровольно, а за гробомъ наслѣдуютъ то, чего искали и желали. Добродѣтельный могъ сдѣлаться злымъ, а злой—добрымъ только на землѣ. Ежели свойства души таковы, что за гробомъ не могутъ измѣниться, то злой человѣкъ не можетъ и не способенъ быть жителемъ рая, наслѣдникомъ царства небеснаго, гдѣ царствуетъ правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ. Какъ на землѣ порочные и развращенные люди неохотно бываютъ въ обществѣ людей благочестивыхъ, всячески уклоняются и избѣгаютъ общенія съ ними, не потому, чтобы благочестивые люди ихъ презирали и не принимали въ свое сообщество,—но единственно потому, что у тѣхъ и другихъ и мышленія, и сужденія, и дѣйствія положительно противоположны—что нравится одной сторонѣ,—къ чему стремится она всѣми силами души и тѣла, чтобы получить искомое, тоже самое для другой стороны отвратительно, ненавистно и презрительно. И потому благочестивые съ нечестивыми не могутъ и не способны пребывать въ одномъ мѣстѣ и въ единомысліи. Какъ рыба неспособна жить въ воздухѣ, или птица въ водѣ, такъ злой человѣкъ удаляется и удаленъ, и разлученъ великою пропастію отъ добродѣтельнаго,—и невозможность перехода изъ одного нравственнаго состоянія въ другое засвидѣтельствовалъ Самъ І. Христосъ въ притчѣ о богачѣ и Лазарѣ.

Царствіе Божіе внутрь васъ есть (Лук. 17, 21). Внутрь, т. е. въ душѣ человѣка, царство духовное, внутреннее, сокровенное, а не внѣшнее, зем-

ное и чувственное. *Царствіе небесное подобно зерну горушичну* (Матѳ. 13, 32). Вѣяніе благодати Божіей, въ началѣ едва примѣтное для человѣка, но при раченіи и благой дѣятельности болѣе и болѣе объемлетъ душу его, которая и дѣлается потомъ храмомъ Божіимъ, вмѣстилищемъ всѣхъ добродѣтелей. Это сѣмя добра въ душѣ праведника будетъ рости и раскрываться во всей полнотѣ, обнаружитъ все свое внутренное достоинство, весь свой внутренній свѣтъ, все свое блаженство. Это сокровенное сѣмя добра обыметъ всю жизнь тщательнаго дѣлателя евангельскихъ заповѣдей, введетъ его еще во время земнаго царствованія въ горнюю страну вѣчнаго блаженства. Эта страна по преимуществу называется небеснымъ царствомъ: въ ней блаженствуютъ всецѣло блаженствомъ неземнымъ,—блаженствуютъ и сокровеннымъ внутреннимъ блаженствомъ, которое у каждаго свое,—и блаженствомъ общимъ—наружнымъ. Эта страна—наслѣдіе тѣхъ, которые раскроютъ въ себѣ во время земной жизни духовное внутреннее царство.

Какое же царство существуетъ въ душѣ закоренѣлаго грѣшника? И въ глубинѣ души его посѣянное имъ же самимъ злое сѣмя также ростетъ и раскрывается; изъ него образуется царство тьмы и мрака, царство грѣха и всякаго зла, царство сатаны со всѣми злѣйшими духами. Это царство основывается, укрѣпляется и распространяется въ душѣ грѣшника пагубными страстями, порочными стремленіями, злымъ навыкомъ, развращенною жизнію. невѣріемъ и ожесточеніемъ во злѣ. Это злое сѣмя, выросшее на

душевной нивѣ закоренѣлаго грѣшника, перейдетъ съ нимъ въ вѣчность и *будетъ развиваться безконечно*. Тогда грѣшникъ не можетъ ни остановить въ себѣ сего быстраго потока зла, ни измѣнить, ни дать ему лучшее направленіе. И понесетъ грѣшника его зло собственнымъ своимъ тяготѣніемъ туда, гдѣ живетъ вѣчное, безконечное зло, т. е. въ сообщество темныхъ злыхъ духовъ. Такимъ образомъ зло въ грѣшникѣ будетъ безконечнымъ, раскрываясь въ немъ въ безграничную вѣчность; помощи уже для него ни откуда не будетъ. Перемѣстите мысленно человѣка съ злымъ навыкомъ и худыми наклонностями ко всему порочному и грѣховному, перемѣстите въ самое блаженное жилище небожителей, почувствуетъ ли онъ (грѣшникъ) въ себѣ какую-либо радость, довольство и покой среди самаго блаженства? Нѣтъ, онъ не найдетъ ни въ себѣ, ни въ окружающихъ свѣтлыхъ и радостнотворныхъ предметахъ ни покоя, ни блаженства,—потому что укоренившіяся страсти—эти лютые и ненасытимые звѣри, жгущая и безпрерывно мучащая за грѣхи совѣсть, перейдутъ съ грѣшникомъ туда же и не перестанутъ тревожить и язвить его и въ самомъ раѣ; даже большее мученіе ощутитъ грѣшникъ въ раѣ, нежели во адѣ. Ибо при видѣ небесныхъ райскихъ красотъ, неизъяснимой радости и утѣшенія, коими будутъ наслаждаться праведники, совѣсть непрестанно будетъ напоминать грѣшнику какихъ благъ онъ лишился изъ-за ничтожной, временной грѣховной сладости. Она (совѣсть) будетъ повторять ему всегда, что

всѣ эти неземныя сокровища, а вѣчно пребывающія блага могли бы быть и его достояніемъ, если бы онъ (грѣшникъ) совершилъ поприще земной жизни въ благочестіи и съ истиннымъ покаяніемъ во грѣхахъ. А такое напоминаніе и повтореніе совѣсти будетъ для грѣшника острѣе, язвительнѣе и мучительнѣе обоюдуострaго меча. Перемѣстить нераскаяннаго грѣшника въ небесныя обители! Это почти будетъ тоже, что ввести въ блестящее общество поселянина грубаго, чуждаго всякаго образованія, въ неопрятной и грязной одеждѣ, съ усвоившимися въ немъ грубыми пріемами, словами, движеніями и дѣйствіями. Что поселянинъ будетъ дѣлать въ этомъ великолѣпномъ обществѣ? Доставитъ ли оно какое-либо удовольствіе и наслажденіе поселянину? Нѣтъ, невѣжественный поселянинъ скорѣе устремится въ свою тѣсную и дымную хижину. жить вмѣстѣ съ животными, дышать ихъ смрадною и удушливою атмосферою, нежели оставаться въ этомъ изящномъ обществѣ. Почему? Потому что грязная жизнь поселянина сдѣлалась для него стихіею, болѣе сообразною и совмѣстимою съ его животными стремленіями и наклонностями. А въ блестящемъ обществѣ все будетъ не по мыслямъ поселянина: тамъ и люди, и дѣйствія ихъ, разговоры и вся обстановка будутъ въ совершенной дисгармоніи съ строемъ жизни поселянина. Подобно поселянину невѣжественному и грѣшникъ, облеченный въ рубище страстей, одѣтый въ одежду разнообразныхъ пороковъ и грѣховъ, съ закоренѣлыми злыми привычками, хотя бы былъ возведенъ на

высшую степень блаженства, не найдетъ тамъ для себя никакого спокойствія, ни утѣшенія, ни отрады, ни блаженства, потому что царствіе Божіе внутрь праведника есть, а внутри грѣшника какое могло быть и было царствіе? Конечно, не Божіе царствіе, а царство сатаны.

*) Грѣшникъ, непринесшій покаянія, а слѣдовательно, и лишенный христіанскаго напутствія оставляется Богомъ и св. Ангелами, какъ чуждый имъ и предается въ руки демоновъ, которые, какъ повѣствуется въ житіи св. Ѳеодоры, окружатъ его, восклицая съ злобною радостію: „наша душа эта, намъ предана, нашу волю она исполняла и осуждена на вѣчное съ нами мученіе“. Бѣдная душа увидитъ тогда страшное и безвыходное свое положеніе, будетъ просить помилованія, раскаяваться, но въ отвѣтъ на это будетъ лишь слышать адскій хохотъ духовъ тьмы, ибо не услышитъ ее Господь. Съ злобною радостію будутъ говорить ей лютые ефіопы:—„раскаяніе твое подобно раскаянію Іуды или Каина,—ты отвержена Богомъ на вѣки, ты наша, наша!“ Ни откуда тогда грѣшной душѣ не будетъ ни отрады, ни помощи, никто не отзовется на вопли ея, она будетъ всѣми оставлена, и это страшное оставленіе наполнитъ ее ужасомъ и тоскою неизобразимыми, отчаяніемъ, ужаснѣйшимъ самой смерти. Безумный грѣшникъ, проводящій дни свои нечестиво, подобно евангель-

*) Изъ листка „О загробной участи безъ покаянія умирающихъ“, издаваемаго Аѳонск. обителію св. Великомуч. Пантелеймона.

скому богачу, говоритъ: пей, ѣшь, душа моя, веселись, имѣешь богатства на многіе годы, но Господь, обличая его безуміе, отвѣтствуетъ: въ ночь эту истяжутъ душу твою... И вотъ настала эта ночь для нераскаяннаго грѣшника, столпились вокругъ него лютые злобные духи. Горе грѣшнику, ибо имя его вычеркивается изъ книги животной; онъ злыми дѣлами своими заживо, самопроизвольно дѣлается достояніемъ князя тьмы, предаетъ себя въ руки его, и нѣтъ ему исхода. Тогда только узнаетъ онъ, какъ страшно быть оставленнымъ Богомъ, тогда только увидитъ онъ страшную бездну, разверзшуюся подъ ногами своими и готовую поглотить его. Но уже не будетъ ему избавленія; прикоснется къ нему, какъ къ добычѣ своей, духъ злобы, и онъ вострепещетъ, какъ преступникъ отъ прикосновенія руки палача, или какъ жертва, попавшаяся въ когти тигра. Въ невыразимомъ отчаяніи станетъ онъ (грѣшникъ) ломать себѣ руки, рвать волосы, заскрежещетъ зубами, захочетъ бѣжать, но напрасно: силы его ослабнутъ, всѣ члены его придутъ въ бездѣйствіе и, поверженный на смертномъ одрѣ своемъ, долженъ онъ будетъ безмолвно ожидать рѣшенія несчастной участи своей, а когда увидитъ приближеніе смерти, то дико, страшно начнетъ озираться на всѣ стороны, будетъ искать помощи тусклыми взорами своими, но ни откуда не будетъ ея. Тогда начнетъ онъ постепенно лишаться чувствъ: слуха, зрѣнія, языкъ свяжется нѣмотою, на лбу его выступятъ капли смертнаго пота, приступитъ къ нему лютая для

грѣшниковъ смерть и поразитъ его, напоитъ его горечью, отъ которой весь онъ содрогнется, извлечетъ душу его изъ тѣла съ мученіями неизъяснимыми. Но это не конецъ его страшнымъ страданіямъ, а лишь начало оныхъ. По разлученіи души отъ тѣла, грѣшникъ яснѣе и сознательнѣе пойметъ ужасное, безвыходное положеніе свое, лицемъ къ лицу будетъ тогда съ злыми бѣсами; вперятъ тогда они въ него свои яростные взоры, наслаждаясь его погибелью, и начнутъ ему говорить съ злобнымъ смѣхомъ: „вотъ мы тѣ существа, коихъ ты отрицалъ; вотъ мы тѣ, волю которыхъ ты всегда исполнялъ; вотъ мы тѣ, съ которыми ты осужденъ на вѣчное мученіе. Бога ты не зналъ, закона Его не исполнялъ,—и Богъ отъ тебя отказался, предалъ тебя намъ на безконечные вѣки“. Напрасно грѣшникъ будетъ просить, умолять, дабы душу его возвратить въ тѣло для покаянія,—одинъ лишь злобный хохотъ будетъ отвѣтомъ на его мольбы и вопли. Неумолимые бѣсы повлекутъ душу грѣшника въ свое логовище—въ бездну преисподнюю... Куда ни посмотритъ онъ, вездѣ тьма адская: ни луча свѣта, ни блеска звѣзднаго не увидитъ онъ; мракъ вѣчной ночи будетъ его удѣломъ. И вотъ страшные бѣсы влекутъ грѣшника далѣе и далѣе, изъ глубины въ глубину, изъ бездны въ бездну чрезъ тѣсные ехиды... вездѣ гробовое молчаніе, полное невыразимаго ужаса. Наконецъ, издали начинаютъ быть слышны голоса и вопли несчастныхъ осужденниковъ, томящихся въ адскихъ мукахъ. Это тотъ плачъ и скрежетъ зубовъ, о ко-

емъ грѣшникъ слышалъ и смѣялся; это та геенна огненная, существованіе коей грѣшникъ всегда отвергалъ; это тотъ червь неусыпающій, котораго грѣшникъ за ничто считалъ; эта та тьма и тотъ ужасный тартаръ, коего и бѣсы трепещутъ. Одинъ только грѣшникъ все это отрицалъ и надъ всѣмъ насмѣхался, и вотъ насталъ и для него черный день, пришло время и ему вкусить отъ плодовъ безвѣрія, вкусить и вѣчно вкушать горькій, неутѣшный плачъ съ вѣчно-плачущими, безнадежными узниками ада, которые жалобными стонами своими могли бы и камень смягчить. Но тамъ нѣтъ никакой жалости,—тамъ одни лишь жестокіе бѣсы, утоляющіе свою злобу мученіями грѣшниковъ.

Общенія во адѣ никто и ни съ кѣмъ не будетъ имѣть: тамъ слышны будутъ одни лишь раздирающіе сердце рыданія и вопли; тамъ будетъ томленіе духа, туга и тягота земнороднымъ невѣдомыя. О мученіяхъ грѣшниковъ св. Іоаннъ Богословъ пишетъ слѣдующее: дымъ мученія ихъ (грѣшниковъ) во вѣки вѣковъ восходитъ (Апок. 14, 11). Тамъ приложатся мученіе къ мученію, тоска къ тоскѣ, отчаяніе къ отчаянію. Здѣсь на землѣ, какъ бы ни было тяжко терпѣть скорби, болѣзни, нищету и проч., но есть надежда на перемѣну въ будущемъ; тамъ же надежды этой и тѣни не будетъ,—одно безконечное страданіе, одно безнадежное томленіе. На страшномъ судѣ скажетъ Господь грѣшникамъ: отъидите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный (Матѳ. 25, 41). Тамъ уже не будетъ исчисленія годовъ, мѣсяцевъ и дней; не будетъ раздѣленія

между днемъ и ночью, не будетъ утра и вечера, но все сольется въ одно безконечное время, коего и одна минута покажется за цѣлый вѣкъ. Тамъ, какъ страшныя тучи, вѣчно будутъ тяготѣть надъ головами грѣшниковъ проклятіе, вѣчное осужденіе и отчужденіе отъ Бога. Какимъ раемъ представится тогда наша жизнь на землѣ! Съ какимъ восторгомъ грѣшникъ возвратился бы туда! Всѣ скорби земныя будутъ казаться наслажденіемъ, ибо ради ихъ уготовляется человѣку вѣчное блаженство. Съ какою бы радостію онъ возвратился на землю, чтобы покаяться! Но это уже не дано ему будетъ; удѣломъ его будетъ безконечное адское мученіе, безотрадное томленіе и безнадежное отчаяніе. Стенанія и вопли его никѣмъ не будутъ услышаны. Таково положеніе грѣшника, на вѣки отринутаго отъ лица Божія. Но вполнѣ никакими человѣческими словами оно не можетъ быть изображено, ибо превосходитъ всякое описаніе и всякое изображеніе.

Державная десница Вышняго уязвляетъ грѣшника во адѣ тремя страшными стрѣлами и наноситъ ему три страшныя раны: вѣчное раскаяніе безъ пользы,—безпредѣльную муку безъ отрады, крайнее желаніе безъ надежды. Первая стрѣла гнѣва Божія—это живое воспоминаніе протекшей жизни,—воспоминаніе горькое, которое производитъ еще болѣе горькое, но безполезное раскаяніе. О если бы эта земная жизнь наша какъ скоро проходитъ, такъ же скоро и забывалась! Если бы, лишаясь земныхъ наслажденій, мы лишились бы вмѣстѣ съ тѣмъ и памяти! Что было, того нельзя передѣлать, чтобы

не было, — и нераскаянный грѣшникъ никогда не забудетъ грѣховъ своихъ! И вѣчно они будутъ мучить его совѣсть, вѣчно онъ будетъ въ нихъ (во грѣхахъ) раскаяваться, но безъ пользы; вѣчно онъ будетъ лить слезы, но онѣ уже не омоютъ грѣховъ его, нѣтъ, они еще болѣе будутъ разжигать пламень мученія... *) Во адѣ нѣтъ мѣста покаянію: заключились уже двери царства небеснаго и будутъ заперты во вѣки вѣковъ! Бѣдная душа грѣшная! что ты такое сдѣлала, что мучишься такъ страшно? Въ чемъ ты согрѣшила, что мучишься тутъ вѣчно?— „Я вкусилъ каплю меду, и вотъ за это мучусь вѣчно,“ говоритъ грѣшникъ. И что такое было плотское наслажденіе, ради котораго я жертвовалъ душею, сердцемъ и имуществомъ—что это было, какъ не капля меду? А эти пиры и ликованія, игры и потѣхи—что это было, какъ не капля меду? А эта сатанинская радость, когда я видѣлъ ближняго въ несчастіи, когда я мстилъ ему, поносилъ его изъ зависти и по злобѣ—что это было, какъ не капля меду? И всѣ эти богатства, ради которыхъ я обременялъ совѣсть мою безчисленными обидами, дѣлами беззаконными—вѣдь все это было только капля меду! И слава, и знатность, и честь, и покой, все, чѣмъ наслаждался я безъ страха Божія,— все, все это было капля меду, да и то смѣшаннаго съ отравой, съ суетами и болѣзнями! Да, если бы и вся жизнь моя протекла лишь въ счастіи земномъ,—что все это въ сравненіи съ вѣчнымъ му-

*) Изъ поучительныхъ словъ Иліи Минятія.

ченіемъ?—Одна капля меду — ничто, *яко день вчерашній, иже мимо иде.* При одномъ воспоминаніи о томъ я ощущаю пламень, палящій мою душу больнѣе того огня геенскаго, который жжетъ мое тѣло!

Среди такого мученія грѣшникъ будетъ взывать: кто далъ бы теперь хотя одинъ изъ тѣхъ часовъ, которые казались мнѣ такими долгими;—кто далъ бы мнѣ хотя одну минуту для покаянія! Но нѣтъ уже времени, оно окончилось; теперь настала вѣчность, и вѣчно буду я плакать безъ пользы. Но это только первая стрѣла гнѣва Божія, его поражающая. Вторая стрѣла—это самая мука адская. *Соберу на них злая,* угрожаетъ Богъ грѣшникамъ (Второз. 32, 20). Собраніе, соединеніе всѣхъ золъ, всѣхъ бѣдъ и мукъ вмѣстѣ—вотъ состояніе мучимыхъ во адѣ! Всѣ яды скорбей собраны въ одну чашу; всѣ волны огня неугасимаго соединены въ одинъ пламень, всѣ мучи вѣчныя—въ одной минутѣ! Мученіе вѣчное—безъ ослабы, безъ конца! Отче Авраме, взываетъ евангельскій богачъ, ты отецъ милости, окажи милость мнѣ, горящему въ огнѣ неугасающемъ! О, пошли этого счастливца Лазаря, чтобы онъ омочилъ конецъ перста въ водѣ и прохладилъ языкъ мой пламенѣющій!—И что же говоритъ ему Авраамъ? Нѣтъ, чадо мое, ты все получилъ уже въ жизни твоей, не ожидай болѣе ничего... О, горе лютое! Одной капли просить у Авраама-милостивца и того не получаетъ! Почему это? Потому, что для находящагося въ мукѣ вѣчной нѣтъ и въ морѣ воды, т. е. и у Бога милости!—И этой-то мукѣ не будетъ конца никогда—никогда!

Пройдутъ тысячи лѣтъ, милліоны лѣтъ, а мука будетъ все только еще начинаться! И если бы мучимый грѣшникъ, изливая по одной только слезинкѣ каждый годъ, пролилъ столько слезъ, что потекли бы изъ нихъ рѣки, то и тогда онъ и одной минуты отъ того вѣка не убавилъ бы!... И смерти тамъ не будетъ: тамъ сама смерть безсмертна; будутъ искать ее грѣшники и не обрящутъ... Тамъ будетъ на вѣки погребенъ грѣшникъ. Никто—никто не услышитъ воплей его!.. Заключена темница адская, ключи у самого Бога, и никогда-никогда не выйдетъ оттуда грѣшникъ. Но ты скажешь: грѣхъ дѣло временное, за что же мука-то вѣчная? Отвѣчаемъ: какъ нѣтъ сравненія между грѣхомъ временнымъ и мукою вѣчною, такъ же точно нѣтъ сравненія между человѣкомъ и Богомъ всевышнимъ, Котораго оскорбляетъ человѣкъ грѣхомъ. Если бы человѣкъ жилъ вѣчно, то вѣчно бы и грѣшилъ, а потому и слѣдуетъ ему мучиться вѣчно. Вотъ теперь адскія муки какъ бы предъ очами человѣка (открыты въ словѣ Божіемъ), а онъ все-таки грѣшитъ, а за это-то и слѣдуетъ ему мучиться вѣчно.— Тебѣ слѣдовало бы ежечасно благодарить правду Божію, которая открыла предъ тобою пропасть адскую, дабы пресѣчь путь злобы твоей, а ты не только остаешься неблагодарнымъ къ своему Благодѣтелю Богу, но и еще не вѣруешь глаголамъ Божіимъ и презрительно глумишься надъ ними.

Третья стрѣла гнѣва Божія, уязвляющая сердце грѣшника, это—желаніе безъ надежды; желаніе Бога, безъ надежды на Бога! Видалъ ли ты когда-

нибудь волны морскія, которыя устремляются на берегъ, будто хотятъ затопить всю землю собою, но потомъ, ударившись о скалы, разбиваются на тысячу брызгъ, и съ пѣною возвращаются назадъ? Вотъ также будетъ устремляться и душа грѣшника къ общенію съ Богомъ, но встрѣтивъ сердце Божіе, точно скалу твердую, будетъ разбиваться отъ лютой болѣзни. Желать всегда Бога и не надѣяться никогда увидѣть Его,—это такое мученіе, котораго и объяснить невозможно. Если бы прекраснѣйшее и святѣйшее Лице Божіе хотя на одну минуту сокрылось отъ очей праведныхъ, то самый рай сталъ бы для нихъ адомъ; и если бы Оно на одну лишь минуту показалось грѣшникамъ, мучимымъ во адѣ, то самый адъ сталъ бы для нихъ раемъ. Если бы грѣшники имѣли надежду когда-нибудь увидѣть Лице Божіе, то мученіе милліоновъ вѣковъ показалось бы имъ за ничто. Каково же будетъ ихъ мученіе, когда они будутъ вѣчно желать узрѣть Лице Божіе, но безъ всякой надежды? А мы между тѣмъ нимало о томъ и не думаемъ. Мы считаемъ за великую потерю, если на одинъ день лишимся милости какого-нибудь покровителя, или благодѣтеля, а вѣчное лишеніе любви, благодати, славы Божіей ставимъ ни во что. Мы знаемъ, что есть мука вѣчная, а сами идемъ прямо въ геенну. Одно изъ двухъ: или мы не вѣримъ, что есть эта мука, или же мы просто обезумѣли. Ясно, что мы достойны этой муки вѣчной, если не за другое что, такъ за невѣріе наше и безуміе. Что же дѣлать, чтобы избѣжать вѣчной муки? Надобно всегда помнить

объ ней.—Въ древнія времена одинъ св. отшельникъ терпѣлъ искушеніе отъ плоти; вотъ разъ діаволъ и представилъ ему подобіе женщины, чтобы скорѣе его на грѣхъ прельстить. Что же отшельникъ сдѣлалъ? Онъ протянулъ палецъ на огонь горѣвшей свѣчи, а какъ не могъ вынести болѣзни, тотчасъ же отдернулъ руку и сказалъ самъ себѣ: „если я не могу вытерпѣть одной минуты, чтобы мой палецъ горѣлъ на огнѣ, то какъ же вытерплю я муку вѣчную, когда буду горѣть весь и тѣломъ, и душею въ пламени геенны? Иди за мной сатано!“ И тотчасъ женщина исчезла. Отшельникъ побѣдилъ плоть, посрамилъ діавола, избѣжалъ грѣха, спасъ свою душу.... О, если бы и каждый изъ насъ, когда будетъ его искушать плоть, міръ, или діаволъ, говорилъ самъ себѣ: „вѣдь за то, что я дѣлаю грѣховное, мнѣ придется мучиться вѣчно во адѣ“,—подумайте, что бы была тогда за охота грѣшить? Нѣтъ, не будетъ мучиться тотъ, кто помнитъ муку вѣчную!

Итакъ, сколь неразумны и безчувственны тѣ изъ людей, кои не поражаются истинами, столь поразительными,—не устрашаются угрозами, столь страшными. Такіе люди лучше желаютъ горѣть въ вѣчномъ огнѣ, нежели погасить въ себѣ пламень преступныхъ и ненасытимыхъ страстей. Конечно, нельзя рѣшительно сказать, чтобы былъ такой безумецъ, который бы прямо желалъ быть въ адѣ—въ числѣ осужденныхъ. Но желать того, что непремѣнно подвергаетъ осужденію, не значитъ ли желать себѣ осужденія и быть въ адѣ? Отнять собственность у

другаго и не желать возвратить ее, имѣть вражду съ другимъ и не желать ее прекратить, войти въ преступную связь и не желать оной расторгнуть, не значитъ ли это дѣйствительно и очевидно желать себѣ осужденія и быть въ адѣ? Для насъ потеря имущества составляетъ ужасное несчастіе, а между тѣмъ ужасная совокупность всѣхъ возможныхъ бѣдствій не производитъ на насъ никакого впечатлѣнія. Страшится человѣкъ непріязни человѣка сильнаго и старается утишить гнѣвъ его, а остается спокойнымъ, когда гнѣвается на него Богъ и хладнокровно выслушиваетъ Его страшныя угрозы. Если бы мы увидѣли на землѣ мѣсто, готовое разверзнуться подъ нашими ногами, или домъ, готовый обрушиться надъ головою нашею, то съ какою бы поспѣшностію мы удалились отъ нихъ? Но посмотримъ на себя: мы находимся въ состояніи болѣе опасномъ; мы висимъ, такъ сказать, надъ раскаленною пещію, надъ ужасною пропастію;—подумаемъ же, что для низверженія насъ въ оную достаточно одного только, чтобы рука, доселѣ насъ поддерживавшая, на мгновеніе прекратила свое дѣйствіе; она прекратитъ, видя нашу нераскаянность во грѣхахъ, и мы низвергнемся въ бездну адскихъ мученій на вѣчные вѣки.

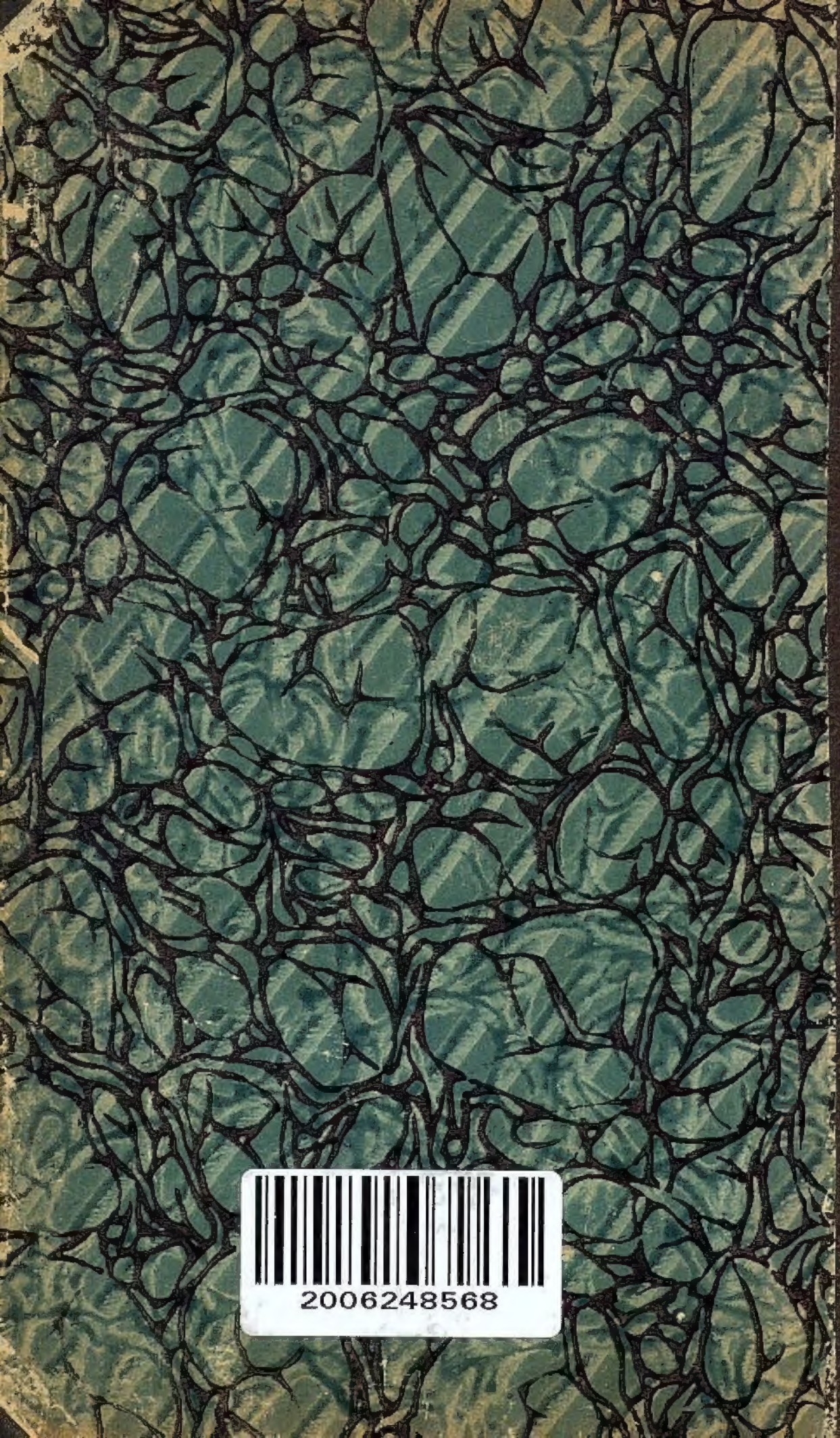
Но какъ и чѣмъ мы можемъ избѣжать этихъ ужасныхъ мукъ, уготованныхъ діаволу и аггеломъ его? Какими средствами и какими жертвами мы возможемъ умилостивить правосуднаго Бога, прогнѣваннаго нашими прегрѣшеніями? Самое дѣйствительное и вѣрное средство получить прощеніе во

грѣхахъ и примириться съ Богомъ заключается въ покаяніи. *Покайтеся*,—было первою проповѣдію Іоанна Крестителя къ приходившимъ къ нему Іудеямъ креститься. Самъ Іисусъ Христосъ проповѣдь свою о царствіи небесномъ началъ словомъ о покаяніи: покайтеся. Но покаяніе должно быть дѣйствительное, искреннее, чистосердечное, которое рождается отъ скорби и печали о грѣхахъ своихъ.

Для полнаго и совершеннаго покаянія Креститель заповѣдуетъ исповѣдывать грѣхи свои и сотворить плодъ, достойный покаянія (Матѳ. 3, 8). Слова: „сотворить плодъ, достойный покаянія“, означаютъ: поступать такъ и жить такъ, какъ должно человѣку, принесшему искреннее покаяніе, съ вѣрнымъ обѣщаніемъ нравственнаго исправленія, нравственной перемѣны на лучшее, т. е. дѣлать добрыя дѣла, мыслить правильно и православно о предметахъ вѣры христіанской и жить благочестиво. Потому что недостаточно избѣгать грѣховъ, по словамъ св. Златоуста, надобно показать и великую добродѣтель. Таковымъ покаяніемъ выражается рѣшительное намѣреніе оставить путь грѣховный, исправить жизнь свою и проводить оную по духу вѣры христіанской и по заповѣдямъ евангельскимъ.

Итакъ, для полученія прощенія во грѣхахъ своихъ и совершеннаго примиренія съ Богомъ необходимы: искреннее покаяніе во грѣхахъ, чистосердечное исповѣданіе оныхъ предъ Богомъ и духовнымъ отцемъ и, по мѣрѣ силъ, удовлетвореніе за грѣхи благими дѣлами.

Конецъ.


2006248568